

РАБОЧИЙ СУД

Издание Ленинградского Губернского Суда.

СОДЕРЖАНИЕ:

Привет VI Губернскому Съезду работников Советской Юстиции.

Добро пожаловать.	365—367
Второй год работы Ленинградского Губернского Суда.— <i>Ф. М. Нахимсон</i>	368—374
Из работы Ленинградской Губпрокуратуры за 1924 г.— <i>И. Крастин</i>	375—377
Заметки по поводу двухлетней работы Гражданского Отдела Ленинградского Губсуда.— <i>Я. Оволин</i>	378—383
Пред'ездовские настроения.— <i>Ф. Нелюбин</i>	381—386
Предполагаемая повестка дня: VI Губернского Съезда работников Советской Юстиции.	385—386
Деятельность судебных работников Ленинградской губ. в деревне. Тезисы.— <i>И. Крастин</i>	387—388
О пройденном пути и предстоящих задачах.— <i>Н. Яковченко</i>	388—391
Задачи дня.—Заместитель Председателя Московского Губсуда.— <i>Ф. Вольфсон</i>	392—397
Из итогов работы Дисциплинарной Коллегии.—Член Уголовной Коллегии Верховного Суда РСФСР.— <i>Н. Немцов</i>	398—399

Революционная законность и Административный Кодекс. Основы доклада на Всероссийском Съезде нач. Адм. отделов и завед. Губ. Розысками.—Заместитель Наркомвнудел РСФСР <i>М. Болдырев</i>	400—411
Новое учреждение. Криминалогический Кабинет при Ленинградском Губсуде.— <i>О. Д.</i>	412—413
Из воспоминаний. Шесть лет в Советском Суде.—Член Губсуда <i>А. Курзнер</i>	414—417
Этапы.—Председатель Военного Трибунала ЛВО <i>А. Матичев</i>	418—421
Из 5-летней прантинки.—Член Губсуда <i>Е. Домбровская</i>	422—423
Как я работала в Суде.—Член Губсуда <i>Е. Васильева</i>	424—426
Единый Народный Суд. Пом. Губ. Прокурора.— <i>Н. Каблучков</i>	426—428
Мои итоги за три года судебной работы.—Нарсудья <i>И. Брысков</i>	429—431
К 8-му году. Из личных воспоминаний за 7 лет работы.—Нарслед. <i>Д. Бродский</i>	432—435
Из воспоминаний судебного распорядителя. Беседа с <i>А. Б. Юревичем</i>	435—436

ОСОБЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ.

Портреты: Народный Комиссар Юстиции и Прокурор Республики Д. И. Курский, Председатель Верховного Суда П. И. Стучка, Член Коллегии Наркомюста Я. Н. Бранденбургский, Заместитель Народного Комиссара Юстиции Н. В. Крыленко.

Снимки: Пленум Ленинградского Губсуда.—Президиум Ленинградского Губсуда.—Судебные работники Ленингр. Губсуда.—Члены Суда, Нарсудьи, Нарследы и Секретари.—V Съезд работников Советской Юстиции (1924 г.). Президиум, Члены Съезда и почетные гости.

№ 9—10.

Ленинград, — 1925 год.

„Рабочий Суд“

В 1925 г. вступил в 3-й год издания.

Все вопросы Советского права находят себе ответы на страницах „Рабочего Суда“.

В «Рабочем Суде» сотрудничают опытные ответственные работники в Центре и на местах. Рассматриваемые ими вопросы представляют насущный интерес для всех на всем обширном пространстве СССР.

Практические указания опытных судебных работников на страницах «Рабочего Суда» дают правовое освещение нашей трудовой жизни в широком масштабе всего СССР.

Действенными ценными сотрудниками «Рабочего Суда» являются и все его постоянные читатели-подписчики—работники на местах, начиная с работников Суда в уездах и кончая работниками волисполкомов, сельсоветов, колхозов и совхозов в самых отдаленных от центра углах Советской России.

Проводя у себя на местах, в текущей трудовой действительности, инструктивные указания и разъяснения «Рабочего Суда» и одновременно с тем обращаясь к «Рабочему Суду» со всеми вопросами и нуждами, делясь своим опытом и наблюдениями, посылая свои статьи и заметки, они обеспечивают тесную связь в своей работе с «Рабочим Судом» правильный классовый подход при разрешении вопросов текущей трудовой жизни.

ОСНОВНЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Статьи и очерки по всем вопросам Советского права.

Заметки судьи, прокурора, следователя и защитника—мысли и наблюдения из практики судебного процесса.

Заметки по вопросам практики—инструктивные указания и разъяснения Редакции.

Вести с мест—сообщения о судебной работе и учебе на местах.

Законодательная хроника—обзор декретов и постановлений Совнаркома, ЦИК и СТО

Циркуляры и постановления Наркоматов, регулирующие вопросы финансов, внешней и внутренней торговли, промышленности, транспорта, кооперации и т. д.

Правовые вопросы крестьянской жизни. Регулирование работы низового крестьянского аппарата.

Жилищное дело—законодательство по жилищному вопросу Постановления ГУКХ и Губисполкома.

Из жилищной практики—сведения, необходимые каждой жилищной ячейке, разъяснения и ответы на запросы читателей-подписчиков по жилищному делу.

Налоги, пошлины и сборы. Разъяснения и ответы. Налоговая памятка.

Все подписчики журнала могут обращаться в Редакцию со всеми интересующими их правовыми вопросами, на которые получают авторитетные ответы на страницах журнала.

Подписная цена:

С ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ: За 12 мес. **10 руб.** За 6 мес. **6 руб.**

Допускается рассрочка платежа годовой подписной цены в два срока: при подписке—**ПЯТЬ** рублей, 1-го мая—**ПЯТЬ** рублей.

Подписная цена на „РАБОЧИЙ СУД“ вместе с особым приложением „СУД ИДЕТ!“ (52 номера „Рабочий Суд“ и 24 номера журнала „Суд Идет!“)—за 12 месяцев—**15 руб.**, за 6 месяцев—**8 руб.**

Допускается рассрочка по 5 рублей: при подписке, 1 мая и 1 августа.

в конторе: Ленинград, Просп. 25 Октября № 54. Телефоны 172-64 и 232-34.

Подписка принимается в редакции: Губернский Суд, Фонтанка 16, а также чрез специально уполномоченных агентов и во всех почтово-телеграфных учреждениях СССР.

РАБОЧИЙ СУД.

Привет VI Губернскому Съезду работников Советской Юстиции.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

14-го марта открывается Губернский Съезд работников Юстиции. Съедутся из самых глухих и далеких уголков нашей губернии судьи, прокуроры и следователи. Необходимо обменяться опытом и подтянуть проделанную работу.

Предстоит серьезный год. Надо будет, с одной стороны, расширить и углубить нашу работу, с другой же стороны, всячески улучшить и упростить ее. И тут первым делом слово принадлежит работникам с мест. Лучшие директивы и указания Центра становятся жизненными лишь в том случае, если они осознаны и поняты низовыми работниками и если с их стороны нет серьезных, основанных на практике возражений к проведению их в жизнь. Их деловые указания должны быть учтены и на ближайший период работы.

Работы предстоит на Съезде много. Все вопросы нашей текущей практики поставлены на обсуждение. Отчитаются Губернский Суд, Прокуратура и Административный Отдел. В результате нашей работы мы должны добиться того, чтобы фундамент, подведенный под Народные Суды, стал крепче и тверже.

Народные Суды вышли на широкую дорогу, необходимо им держать путь в широкую толщу рабочих и крестьянских масс. Уже ясно видны очертания нового судьи-общественника. Он уже

проявляет себя, и крестьяне уже сейчас видят в судье, собирающем их, делающем им доклады, разъясняющем им их права и обязанности,—защитника своих законных прав. Тут непочатый край работы. То, что уже в этом отношении проделано, имеет громадное значение для определения правильности нашего пути.

Народный Суд прошел долгий и тернистый путь. Были очень трудные моменты, но все это позади. Самое главное, что Народный Суд устоял и доказал свою жизнеспособность. Теперь уже положение изменилось. Материальная база подведена, может быть, недостаточная, но работать можно. От вас, товарищи делегаты, зависит дать правильное содержание работе Судов. Через год, к следующему Съезду мы должны стать доподлинно Рабоче-Крестьянским Судом.

Вместе с открытием Съезда состоится празднование второй годовщины Губернского Суда.

Мы вступаем в третий год. И здесь организационный период в основном уже прошел. Судебная реформа всецело оправдала себя. Задача, поставленная Губернским Судом,—поднять и улучшить работу Народных Судов — была основной за прошлый период. В этом отно-

шении мы достигли значительных результатов. Делегаты с мест должны дать свою оценку этой работе и, вместе с тем, указать на недочеты.

И еще на одном моменте хотелось бы остановить внимание делегатов. Имеется у нас еще один праздник. Это двухлетие существования нашего Издательства „Рабочий Суд“. Все силы Издательства были положены на то, чтобы журнал стал верным и постоянным помощником нашим работникам на местах. Выполнил ли он эту задачу, спросите вы, но тот горячий отклик, который журнал встречал у всех наших низовых работников как в нашей губернии, так и во всей

стране, говорит за то, что и здесь наша правильная пугь. Всякие указания по поводу журнала будут очень ценны для дальнейшего его улучшения.

Но самое верное средство для поднятия журнала на должную высоту, это—ваше сотрудничество.

Товарищи делегаты, будучи на Съезде, дайте в журнал краткие заметки о том, что у вас делается на местах и какие трудности вы встречаете в работе. Наш журнал будет чутко прислушиваться к вашему голосу.

Итак, товарищи, засучим рукава и горячо примемся за работу.

Добро пожаловать!

Ф. М. Нахимсон.

Второй год работы Ленинградского Губернского Суда.

Второй год работы Ленинградского Губсуда прошел под знаком укрепления и углубления нашей работы и, в особенности, наших Народных Судов. Особое внимание было обращено на постановку плановой инструкторско-ревизионной работы и на усиление связи между губерньским центром и местами—путем выездов инструкторов и членов Губсуда на места и участием в уездных совещаниях.

За 1924 г. были обревизованы 100% наших Судов города и губернии. Кассколлегии, в свою очередь, учитывая важнейшие отклонения от законов, допущенные Нарсудами, давали инструкторско-ревизионным обследованиям верное направление.

Кроме этого, Суды поддерживали постоянную связь, запрашивая Губсуд по всем вопросам, в разрешении которых они встречали затруднение. Эти вопросы и кассационная практика вызвали необходимость издания в 1924-м году—264-х циркуляров. В 1923 году таких циркуляров было издано 320, так что, по мере укрепления Народных Судов, количество циркуляров уменьшается.

Особо следует отметить в деле поднятия квалификации наших работников организацию краткосрочных курсов по переподготовке судебных работников го-

рода и деревни. Для того, чтобы дать возможность пройти эти курсы всем нашим работникам, они разбиты на три цикла, по три месяца каждый. Первый цикл, на котором принимало участие 43 работника города и 17—уездов, недавно закончился, и курсы эти дали безусловно положительный результат. Метод занятий—исключительно лабораторно-практический на основе результатов инструкторско-ревизионных обследований и кассационной практики.

Большую роль в постановке работы на местах продолжают играть уездные совещания. На них Губсуд проводит свои информационно-инструкторские задания, и, вместе с тем, они лучше всего выявляют действительное положение дел на местах. Кроме того, на совещаниях проводилась серьезная учеба и обсуждался целый ряд вопросов судебной практики. На большинстве совещаний присутствовал ответственный представитель Губсуда. Таких совещаний за 1924-й год состоялось 60—против 30—в 1923 году. Участие на них, кроме судработников, работников Прокуратуры, Милиции, Угрозьска, ГПУ, а зачастую—Укома и Уисполкома, делало их авторитетными, интересными, и, вместе с тем, они еще теснее спаявали работников карательных органов.

Народные Суды.

Количество Народных Судов города и губернии в отчетном году почти не изменилось. Очень noticeably увеличилась нагрузка Нарсудов, возросшая с 157060 дел, бывших в производстве в 1923 г., до 162438 дел—в 1924 году. Количество же оконченных дел возросло с 137736 дел до 144208. При этом следует отметить, что нагрузка Нарсудов города за 1924-й год увеличилась почти на 10.000 дел, в то время, как в уездах она понизилась почти на 4.000 дел.

В среднем на одно городское отделение, в истекшем году, приходилось 4272 дела, а на уездный Нарсуд—960 дел, так что нагрузка Нарсуда города в четыре раза больше Нарсуда уезда.

Как результат работы Нарсудов за 1924-й год, надо отметить, что они не только справились с поступившими к ним делами, но и несколько разгрузились; так, например, на 1-е января 1924 года остаток неоконченных дел по Нарсудам города составлял 14232 дела, а на 1-е января 1925 года—13937 дел; в уездах на 1-е января 1924 г. остаток составлял 5092 дела, а на 1-е января 1925 г.—4293 дела.

По характеру дел обращает на себя внимание постоянное и значительное возрастание поступления гражданских дел. За 1923 год во все Нарсуды поступило 53510 гражданских дел, а в 1924 г. 65343 гражданских дела, причем в городских Нарсудах это увеличение доходит до 30%.

Поступление же уголовных дел несколько уменьшается: в городе—на 12% и в уездах—на 4%. В общем поступление гражданских дел в Нарсуды г. Ленинграда превышает поступление уголовных дел, в уездных же Нарсудах поступление уголовных дел больше гражданских.

Оценивая работу Нарсудов по качеству ее, следует установить, что из 81936 оконченных всеми Нарсудами Уголовных дел обжаловано в кассационном порядке 6121 дело, т. е. процент обжалования выражается цифрой 8, при чем такой же процент был и в 1923 году. Из оконченных в 1924 году 62272 гражданских дел обжаловано 6260 дел, т. е. процент обжалования выражается цифрой 10, в 1923 г. процент обжалования составлял 11%.

Из этого количества обжалованных приговоров Кассационной инстанцией утверждено по Нарсудам города 83% (в 1923 г.—78,4%); по уездным Нарсудам утверждено (как и в 1923 г.)—72%.

По гражданским делам по Нарсудам города утверждено 61% всех решений (в 1923 г. было утверждено 55%). По уездным Нарсудам утверждено 66% всех решений (в 1923 г. было утверждено всего лишь 44%).

Из этих данных следует, что, хотя работа уездных судов по гражданским делам качественно резко повысилась, тем не менее следует признать по итогам кассационной практики, что судьи далеко еще недостаточно усвоили материальное и процессуальное гражданское право. Не может и смущать, что в уездах процент утвержденных решений выше, чем в городе; это, конечно, объясняется несложностью и простотой деревенских гражданских правоотношений.

Судебная деятельность Губсуда.

Количество дел, поступивших в Судебно-Уголовное Отделение, возросло с 3025 дел в 1923 г. до 5226 дел. Окончено же в 1924 г. 5427 дел против 2861 дела в 1923 г. Если учесть и число прекращенных дел, то число рассмотренных по существу дел все-таки возросло на 80%.

За 1924 год было обжаловано в кассационном порядке в Верховный Суд всего 375 приговоров; из этого количества утверждены 354 (94%) и отменено 21, т. е. менее 6%. Из утвержденных Верхсудом 354 приговоров смягчены наказания по 79 приговорам, т. е. 21%. Из этого видно, что по уголовным делам практика Губсуда в основном не расходится с практикой Верхсуда.

За 1924 г. был устроен ряд показательных процессов в городе, но главное внимание было обращено на обслуживание выездными сессиями деревни. За год было организовано 12 сессий, рассмотревших на месте 281 дело, по которым было привлечено 705 лиц. Нет ни одного уезда, где-бы наши сессии не побывали хотя-бы один раз. Большинство рассмотренных сессией дел, имеющих общественное значение, заслушано в показательных процессах.

В Судебно-Гражданском Отделении

нагрузка в сравнении с 1923 годом значительно поднялась. В 1923 г. поступило 822 дела, находилось в производстве 933 дела, окончено 470 дел, и остаток на 1 января 1924 года составлял 463 дела. В 1924 г. поступило 1693 дела, так что количество дел возросло более, чем в два раза. Всего находилось в производстве 2156 дел, окончено 1539 дел, т. е. почти в четыре раза больше, чем в 1923 году, и остаток на 1-е января 1925 г.—617 дел. Из этого видно, что Судебно-Гражданское Отделение с честью справилось с этим громадным поступлением.

По гражданским делам Верховным Судом в кассационном порядке было рассмотрено 97 решений Губсуда, отменено 49 и утверждено 48, при чем интересно отметить, что за первое полугодие из 29 решений утверждено 12 и отменено 17, а за второе полугодие утверждено 36 и отменено 32 решения. Так что, если между Судебным Отделением и Верховным Судом по Гражданскому Отделению были серьезные расхождения, вызвавшие отмену почти половины обжалованных решений, то во второй половине года эти разногласия, хотя и довольно медленно, но все-таки изживаются.

Кассационная работа Губсуда.

Работа Уголовно-Кассационной Коллегии лучше всего характеризуется количеством оставшихся нерассмотренными дел. На 1-е января 1923 г. оставалось не рассмотренными 1533 дела, на 1-е января 1924 г.—590 дел и на 1-е января 1925 г.—485 дел, т. е. нормальный остаток примерно месячного поступления; дела эти назначены к рассмотрению в январе месяце. Поступило за 1924 год 6016 дел—против 5992 дел в 1923 г.

В Гражданском Кассационном Отделении в 1924 г. окончено 6260 дел—против 5630 дел в 1923 г. Количество не оконченных дел на 1-е января 1924 г. составляло 1413, а на 1-е января 1925 г.—821 дело, т. е. произведена значительная разгрузка.

Работа Губсуда в губернии.

В отчетном году Уполномоченные Губсуда по уездам являлись основным связующим звеном между центром и местами. Еще более интенсивно Уполномоченные руководили судебно-следственными учреждениями своего уезда и про-

водили судебную политику Губсуда на местах. Большую работу Уполномоченные проделали в деле популяризации Советского Права и Суда. Под их руководством судебные работники провели целый ряд докладов, представлявших отчеты о работе и касавшихся наиболее интересных для крестьян правовых вопросов. Почти всюду Народные Судьи входят в Советы изб-читален и помогают правовому обслуживанию крестьянских масс.

Во многих местах уже к концу 1924 г. были налажены регулярные, календарные выезды Суда в обслуживаемые районы.

В деле должной постановки деревенской работы большую службу сослужили уездные совещания и выездные сессии Губсуда.

Помимо плановых инструкторско-ревизионных обследований каждая выездная Сессия, к которой обычно прикомандировывались и специальные инструктора, наряду с судебной работой проводила и инструкторско-ревизионную работу. В большинстве случаев Председатель Сессии, по окончании судебной работы, принимал участие в уездном совещании, где, помимо общего доклада, давал указания местным работникам по данным, обнаруженным ревизией.

Выездная Сессия сопровождала свою работу изданием специальных листовок и участием в местных газетах, освещая там правовые вопросы, а также выступая в качестве докладчиков на общих собраниях, как партийных, так и беспартийных.

Сессии играют такую значительную роль в жизни наших уездов, как в смысле борьбы с местными видами преступности (контрабанда, хулиганство, убийство в драке), так и в смысле оживления всей местной работы, что Губсуд, как непосредственно, так и через соответствующие губернские организации все время получает требования из всех уездов о дополнительных выездах Сессии.

Очень активное участие наши работники принимали в широко развернувшейся в последней четверти 1924 года кампании по выборам Нарзаседателей. Результаты этой кампании подитожаются, и сейчас уже можно сказать, что в этом году достигнуты чрезвычайно благоприятные результаты, в частности

по вопросу о привлечении женщин в качестве Нарзаседателей. По некоторым уездам уже начаты были, в других сейчас проводятся собрания и организация Народных заседателей вокруг судебных участков. Работа эта находится в самом разгаре.

Карательная политика всех судебных учреждений Ленинградской губернии.

Руководствуясь твердо в своей карательной политике классовым принципом и подходом, мы должны отметить за 1924 г. общее возрастание числа осужденных, несмотря на отмеченное нами выше падение уголовных дел в Нарсудах.

Так, в 1923 году осуждено было 24244 чел., а в 1924 г. 30845 чел., т. е. увеличение на 22%, но, вместе с тем, это расширение судебной репрессии не шло параллельно с усилением суровости ее. Наоборот, лишение свободы составляло в 1923 г. 29% всех наказаний, а в 1924 г.—только 23,5%. Значительно расширилось применение условного осуждения, которое составляло в 1923 г. 15,7%, а в 1924 г.—23,5%.

Имущественные взыскания в 1923 г. составляли 24,6%, а в 1924 г.—30,5%.

По видам преступления осужденные Губсудом и Нарсудами распределяются:

В процентн. отношении.
За 1923 г. За 1924 г.

1. Преступления контр-революционные	0,2	0,1
2. Против порядка управления	20,5	24,7
3. Должностные преступления	4,2	4,3
4. Нарушения правил отделения церкви от государства	—	0,1
5. Преступления хозяйственные	22,7	24,5
6. Преступл. против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности	10,8	14,2
7. Имуществ. преступления	33,6	27,6
8. Воинск. преступления	1,0	—
9. Наруш. правил охр. нар. здоровья, безопасности и т. д.	7,0	4,7

а по видам наказания осужденные распределяются следующим образом:

Виды наказаний.	За 1923 год.		За 1924 год.	
	в абсолютных цифрах.	в процентн. отношении.	в абсолютных цифрах.	в процентн. отношении.
Приговорены к высш. мере наказания	21	0,1	38	0,1
К условн. лишен. свободы	3816	15,7	7219	23,4
К л/св. до 1 года	2948		5121	
” от 1—2 лет	2558		1105	
” ” 2—5 ”	1197		786	
” ” 5—10 ”	327		235	
Всего на срок л/св.	7025	29,0	7247	23,5
Итого к л/св. вместе с условными	10841	44,7	14466	46,9
К принудительн. работам	5624	23,2	4291	13,9
К имуществ. взысканиям	5955	24,6	9422	30,5
К обществен. порицанию	1095	4,5	1129	3,7
К другим наказаниям	708	2,9	89	0,3
Освобождено от наказания	сведен ий нет.		1410	4,6
Коллч. осужд., к коим применена 40 ст. УГ.	360	1,5	1013	3,3

Вот в самых общих чертах, поскольку это позволяют рамки журнальной статьи,—та работа, которую Ленинградский Губсуд проделал за второй год своего существования. Здесь не затронуты целые отрасли работы Губсуда, и этот пробел будет восполнен в докладе на Губернском С'езде. Сейчас мы печатаем эти предварительные данные, чтобы делегаты к С'езду имели некоторый материал для оценки и, быть может, для выпрямления работы своего губернского центра.

Ф. М. Нахимсон.

В третьем году Ленинградского Губернского Суда так же крепко держите в своих руках знамя Пролетарского Суда!

Из работы Ленинградской Губпрокуратуры за 1924 год.

В отчетном году главное внимание Губпрокуратуры было обращено на укрепление уездного аппарата. Прежде всего был укомплектован штат помощников прокурора; в настоящее время в каждом уезде имеется особый пом. прокурора. Перемены в личном составе работников выразились в количественном сокращении и качественном обновлении. С 1-го января 1924 г. по 1-е января 1925 года общее число работников прокуратуры понизилось с 161 до 136 человек. При этом число членов РКП (б) поднялось с 31 до 47 чел., а членов РЛКСМ увеличилось с 3 до 7 чел. Таким образом, к началу 1924 г. члены РКП (б) и РЛКСМ составляли 19% и 2% общего числа сотрудников, а к концу года—35% и 5%.

Во 2-й четверти года была произведена реорганизация структуры Губпрокуратуры, сопровождавшаяся также организацией новых составных единиц. К 1 января 1925 г. Губпрокуратура имела в своем составе 8 уездных камер, 1—в г. Кронштадте, 6—в районах Ленинграда, 1 камеру по Труделам и 6 Частей Губ. Управления (Инстр. Ревизионная ч. Общего Надзора, по надзору за следствием и организацией обвинения; по надзору за дознанием и мест. закл.; при Уг.-Кассац. и Гражд. Отд. Губсуда и по надзору за ГШУ).

Работа по руководству Пом. прокурора получила значительное развитие; обрели все уездные камеры; во все уезды выезжал для обследования и доклада Губпрокурор или его Заместитель; усилено личное и письменное инструктирование Пом. прокурора.

Всего за год состояло в производстве Прокуратуры 45743 дела, из которых окончено 45600, т. е. более 99%.

На 1 января 1925 г. оставалось лишь 143 дела—0,5% всего числа бывших в производстве дел; остаток дел сократился по сравнению с 1 января 1924 г. почти в 5 раз.

Из сего числа 45743 дел почти половина (22652, т. е. 49,6%) приходится на имущественные преступления. Далее идут преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности—

6877 дел или 15,1%. Примерно равное число дел дают хозяйственные и должностные преступления—5972 (13,1%) и 5743 (12,5%). Значительно меньше число дел по преступлениям против порядка управления—2948, что дает 6,4%. Нарушение правил охр. народн. здоровья и обществ. безопасности составило 1101 дело (2,4%). Совсем незначительны цифры преступлений контр-революционных—350 (0,7%), воинских—78 (0,2%) и церковных—22 (менее 1/10%).

Главная масса дел (35129) поступила из органов дознания; следственных дел поступило 5988; возникло дел по заявлениям и жалобам 3093; возобновлено и возбуждено в порядке надзора 854 дела.

Объединяющей организацией по борьбе с преступностью были совещания, созываемые Прокуратурой для разрешения наиболее важных вопросов в этой области. Всего совещаний за год было: губернских—5 и участковых (в уездах и районах) 39.

За 1924 год было направлено в Суды 12241 законченное дело, что дает на один рабочий день 43 дела. Общее число выступлений представителей Прокуратуры в судебных и распорядительных заседаниях—2928, что составляет около 11 выступлений в каждый рабочий день. Количество выступлений общественных обвинителей достигло 639.—Работа по надзору за органами дознания и следствия выразилась, в частности, в приеме жалоб на действия этих органов. Всего поступило 3138 жалоб, дано движение 2382. При осуществлении надзора за мест. закл., представители прокурорского надзора посетили места заключения 497 раз; освобождено Прокуратурой из-под стражи в пор. ст. 6 УИК (как незаконно лишенных свободы)—55 чел. Жалоб от содержащихся под стражей поступило 7985, из коих получили движение 6646.

Деятельность Прокуратуры по общему надзору выразилась в следующих цифрах:

рассмотрено письменных жалоб	2134
оставлено без последствий	482
дано движение	1652

Главное внимание по общему надзору было обращено на участие в заседаниях Губисполкома, Уисполкомов и их отделов и на дачу устных заключений по рассматриваемым вопросам.

Всего заседаний было . . . 791

Дано заключений 6035

Письменных представлений в Губисполком, Уисполкомы и их Отделы сделано—1107, из них удовлетворено—782, отклонено—49, не рассмотрено—276.

За отчетный период упрочена связь с печатью. Прокуратурой выписываются все местные газеты и журналы, а также большинство центральных. По газетным заметкам возбуждено—319 производств.

По общему надзору поставлена и

укрепляется работа Прокуратуры в деревне. Работники Прокуратуры принимают участие в консультации при Ленинградском „Доме Крестьянина“. За последние 2½ месяца с момента фактического начала работ (октябрь, ноябрь и декабрь) через консультантов Прокуратуры прошло 189 деревенских ходов.

Работа в деревне приобретает самостоятельную отрасль деятельности Прокуратуры, причем для обслуживания деревни командированы даже Пом. Прокурора городских районов. Уже состоялось 28 командировок в деревню и проведено в командировках в общем около 60 дней.

И. Крастин.

Заметки по поводу двухлетней работы Гражданского Отдела Ленинградского Губсуда.

Когда два года тому назад образовался Ленинградский Губернский Суд, то в этой новой судебной организации новым, по существу, только что сконструированным в смысле новых заданий, был его Гражданский Отдел, так как создание этого Отдела совпало с введением в действие Гражданского Кодекса, регулирующего те новые общественные отношения, которые были установлены Советской властью применительно к переходному периоду. В самом деле, Уголовный Отдел Губсуда к этому моменту в основе своей образовался из Совнарсуда и Революционного Трибунала. Трибунал формально получил новое название, но фактически перешел в организацию Единого Суда со своим революционным прошлым, резко классовым характером и большим опытом в работе, накопившимся в период гражданской войны, а также с традициями органа ударной борьбы против врагов рабоче-крестьянской власти; даже личный состав в преобладающем большинстве составил из работников революционных трибуналов. Гораздо труднее и сложнее дело обстоит с организацией Гражданского Отдела Губернского Суда. Здесь нужно было в значительной мере все создавать сызнова.

Для примера возьмем Кодексы: есть разница даже в порядке их выработки. Уголовный Кодекс—это та кодифицированная практика, которая установилась в революционных судебно-следственных органах за предыдущие годы в период классовой борьбы, только с соответствующими поправками, выводами, а, главным образом, смягчениями, так как резко изменились самые условия борьбы и общественные взаимоотношения, но в то же самое время в общем и целом санкции статей Уголовного Кодекса вполне отражают революционную непримиримость борьбы по отношению к врагам рабочего класса и революции. Другое дело—Гражданский Кодекс, он—прежде всего результат отступления от военного коммунизма к НЭПу.

Первый период Октябрьской революции, период военного коммунизма, не оставил в области гражданских правоотношений ничего, кроме пустого места.

В одном из тезисов Маркса о Фейербахе сказано: „философы только объясняли мир различным образом, дело—в том, чтобы его изменять“. После перехода власти в руки трудящихся все дело в области правоотношений заключалось в том, чтобы их изменять—разрушать старое право до самого осно-

вапия и вместо разрушенного созидать новое и, в первую очередь, гражданское право.

Ни одно положение в буржуазном праве не считается настолько бесспорным, как неприкосновенность частной собственности и свобода ею распоряжаться. Почти во всех конституциях о ненарушимости частной собственности, под которой подразумеваются все имущественные права, упоминается в таких выражениях, как о неприкосновенности „особы монарха“. И вдруг Октябрьская революция одним взмахом разрушила эту священную пирамиду, камня на камне не оставила, об'явив: „Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и все трудящиеся... Берите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт—все это огненные будет всецело вашим, общественным достоянием“ *). Советская власть, построенная на принципах пролетарской диктатуры и самостоятельности трудящихся, в три дня разрушила старый храм божий—имени Ее Величества Частной Собственности.

Был разрушен частный товарооборот, и вслед за ним мы должны были приступить к перестройке всех производственных и потребительских отношений, и для регулирования их нужно было выработать кодекс гражданского права.

„В гражданском праве,—пишет Предверхсуда т. Стучка в своей книге „Классовое государство и гражданское право“,—мы провели рецепцию буржуазного гражданского права, именно рецепцию, а не восстановление. Составители проекта Гражданского Кодекса рассуждали приблизительно так: тут создается небольшая уголочек для непмановщины, для капиталистической эксплуатации, при одновременном противоядии: особом советском публично-хозяйственном, трудовом и земельном праве. Мы об'явили из'ятыми из сферы гражданского оборота определенные имущества и определенные действия. Но для чисто гражданского оборота мы ввели в Кодексе самые совершенные формы эксплуатации, даже надеясь эти формы ис-

пользовать в целях обуздания частного капитала в сношениях с нами, как монополистами. Докладчик, тов. Гойхбарг, так и сказал: „Предполагалось выработать Кодекс, считаясь с нашими условиями в тех пределах, очень ограниченных, в которых у нас могут быть допущены буржуазные отношения, частный гражданский оборот“. Я тогда же в ВЦИК'е возражал против этого взгляда относительно крайне ограниченных размеров применения Кодекса. Я полагал, что Кодекс будет иметь гораздо более широкое значение и для широких масс среднего элемента, для которых введение наиболее утонченных способов обеспечения оборота означает весьма опасную угрозу, ибо во всяком гражданском обороте все преимущества уже и так всегда на стороне более имущего, а по-сему и более ловкого“ *).

Нужно признаться, что тов. Стучка гениально предвидел формы будущей борьбы в гражданском Суде: двухлетняя практика подтвердила правильность его мыслей, высказанных в момент принятия Кодекса в законодательном порядке. Несмотря на то, что целым рядом положений была предусмотрена охрана и защита интересов широких масс трудящихся, все-таки Гражданский Кодекс на протяжении этих двух лет неустанно в своих интересах пыгались использовать слои населения, в имущественном отношении более сильные, и Рабоче-Крестьянскому Суду, защитнику интересов именно пролетарских масс, в этот период приходилось быть всегда на боевом посту и выдерживать большой натиск со стороны этих мелкобуржуазных слоев населения.

Взя та масса гражданских дел, рассмотрением которых были заняты наши Суды, особенно в течение первого года, представляет собой попытку аннулировать те имущественные отношения, которые создались в процессе проведения в жизнь идей военного коммунизма: в преобладающем большинстве случаев это—иски о возврате собственности, о восстановлении в правах собственности. Все те бывшие люди—вельможи, купцы,

*) Собр. узакон. Раб. и Кр. Правит. за 1917 г., № 2 ст. 22.

*) Стучка. „Классовое государство и гражданское право“. Стр. 51—52.

помещики, которые, казалось-бы, были уничтожены, прижаты к земле и придавлены,—подняли свою голову и зашипели. Создалось такое положение в нашей судебной работе, что с одной стороны—наш пролетарский судья, революционер-рабочий или крестьянин, не искушенный в толковании и анализе статей нового Кодекса, с другой стороны — тяжущиеся: один из них почти всегда—пролетарий, а другой — имущий, а за ним защитник, по своей идеологии в большинстве случаев чуждые духу рабоче-крестьянского Суда, с арсеналом статей, раз'яснений и толкований.

Пожалуй, получается неравная борьба, но если в этой неравной борьбе все время рабоче-крестьянский Суд оставался на должной высоте и сумел разобраться правильно во всех делах, то нужно признаться, что не в силу хорошего знания статей, а в силу своего классового чутья, классового подхода при разрешении любого, даже самого простого гражданского спора. Поэтому честь и хвала нашему Суду ко второй годовщине его деятельности, что он все время сохранял и революционную чуткость, и классовую выдержанность при разбирательстве того огромного количества гражданских дел, которое привалило в Суд после НЭП'а.

Этот двухлетний период работы Судов показывает, как значительно вырос масштаб применения Гражданского Кодекса. При выработке норм Кодекса и при введении его в действие, конечно, трудно было предвидеть, в каком порядке пойдет дальнейшее развитие экономической жизни страны, какие формы примет это развитие, однако же предположения, которые имелись в виду при составлении Кодекса, очень быстро были опровергнуты жизнью и практической работой.

Гражданский Кодекс вышел из „тех пределов, очень ограниченных, в которых у нас могут быть допущены буржуазные отношения, частный гражданский оборот“. Сейчас к Гражданскому Кодексу приходится обращаться и государственной промышленности, и внешней торговле, и транспорту (в лице трестов, синдикатов, торгов, акционерных смешанных обществ, правлений отдельных предприятий), и кооперации, которая начинает играть видную роль

в развернутом товарообороте страны, и многочисленному крестьянскому населению, которое ведет мелкобуржуазное хозяйство.

Лучшее доказательство, что это так—практика наших Судов по гражданским делам.

За 1923 год в Народных Судах Ленинградской губ. было принято к производству 53.510 гражданских дел, в Губернском Суде—6.930 дел, за 1924 год в Народных Судах—65.269 гражданских дел, а в Губсуде—7.361 дело. Если к этим цифрам прибавить количество дел, разобранных в Северо-Западной Областной Арбитражной Комиссии, то получаются очень внушительные цифры, говорящие о масштабе применения Гражданского Кодекса. Сторонами в этих делах выступают самые разнообразные, как физические, так и юридические лица, а содержание дел, размеры претензий становятся все гораздо более сложными.

Таким образом, незаметно, но постепенно выпрямляется во весь рост наш Гражданский Суд, и если в первый год в этой работе чувствовалась неопытность, неуверенность в своих силах и знаниях, если чудовищным казались статьи, беспорядочно нагроможденные в Гражданском Кодексе, то сейчас, после двухлетней тяжелой неустанной работы, наши судьи уже чувствуют себя достаточно сильными, чтобы разобраться в сложных гражданских отношениях. Это есть достижение.

Конечно, на них нельзя успокоиться, нельзя сказать, что больше делать нечего. Нужно все идти вперед, ибо жизнь слишком быстро уносится вперед, экономическая мощь страны растет, товарооборот увеличивается, общественные отношения изо дня в день становятся сложнее, и в связи с этим вырастают и новые задачи перед нашим судом. Приходится волей не волей припомнить слова тов. Стучки, высказанные еще в 1922 году: „Кодекс будет иметь гораздо более широкое значение и для широких масс среднего элемента, для которых введение наиболее утонченных способов обеспечения оборота означает весьма опасную угрозу, ибо во всяком гражданском обороте все преимущества уже и так всегда на стороне более имущего, а посему и более ловкого“. В самом деле, если взять нашу практиче-

скую работу Суда и сопоставить ее с существующей общественной обстановкой, то эта опасная угроза все время была и остается еще в будущем. Если наш пролетарский судья эту угрозу до сих пор преодолевал благодаря своему революционному классовому чутью, то на будущее время, в силу того, что общественные отношения становятся более сложными, особенно в деревне, где вырастают довольно значительные по своей социальной мощи слои крестьянства, живущие мелкобуржуазным хозяйством, — к этому революционному классовому чутью обязательно должно присоединиться твердое знание и понимание революционного закона.

Другой раз при разговоре по делу с рабочим или крестьянином понимаешь всю тяжесть того положения, когда на стороне этого рабочего или крестьянина справедливость и право, но когда он по своему незнанию или невежеству не сумел применительно к требованиям закона перед Судом вывить свои справедливые требования, а другой, его противник, более ловкий, пользующийся знанием материального и, главным образом, процессуального закона, вырвал у Суда в свою пользу решение. Мне кажется, что на эту сторону дела в связи с тем, что наше законодательство непомерно растет, что рядовому гражданину в нем трудно ориентироваться,

Суд должен обратить самое серьезное внимание.

Процессуальная сторона ведения дела должна быть по возможности упрощена, судья должен вполне уяснить основные положения, высказываемые каждой из сторон и по мере сил своих помочь им дачей соответствующих справок из действующего права, и при этом в порядке ведения дела пусть будет больше простоты и как можно меньше священнодействий.

Конечно, кроме того из Суда нужно совершенно изжить и волокиту, и бюрократизм.

Но этого еще мало. Знание и понимание революционного закона судебный работник должен внести в широкие массы трудящихся, передать этим массам. Мне кажется, что в течение этого года наши судебные работники со своими знаниями и опытом сумеют поближе подойти на помощь — по ознакомлению с революционной заковностью — к трудящимся в рабочих клубах и в избаччитальнях. Нужно там создать правовые кружки, и судебные работники должны быть руководителями этих кружков. Дело нужно поставить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин легко мог усвоить основные положения наших Кодексов.

Пусть будет это среди других одним из очередных заданий.

Я. Озолин.

Предсездовские настроения.

Шестой по счету Губернский С'езд работников Советской Юстиции. В шестой раз собираемся мы для коллективного подведения итогов нашей работы, для учета нашего опыта, наших достижений, наших ошибок. Работа предстоит большая и серьезная. Ведь истекшие семь лет существования Советской власти, — семь лет напряженнейшей борьбы за безопасность, за право бытия, за право на мирный свободный труд, не могли не стразитья во всем своем многообразии на работе Пролетарского Суда, выполняющего одну из самых важных государственных функций.

За эти семь лет, как и все наши органы управления, Народный Суд много пережил, претерпел много изменений.

Старые юристы, привыкшие к косности буржуазного закона, недовольны быстрым темпом нашего законодательства в этом направлении. Они, видите ли, не успевают, как следует, „изучить“ закон до его отмены, до замены его новым. Слишком быстро вращается маховик истории. Слишком быстро катится Советская колесница...

Семь лет... от декрета о Судах № 1 до Собрании Кодексов 1925 года — дистанция огромного размера... Много воды утекло. Менялись формы. Изменялось содержание. Менялись люди. Усталые, извуренные выбывали из строя. Одни уходили сами навсегда не только от работы в Судах, но и от жизни. Другие уходили только от Суда.

Место выбывших занимали новые свежие силы. Над павшим строем, свежий строй штыки смыкает...

И при калейдоскопической быстроте смены форм, содержания, людей остается неизменной едва лишь основная идея—Единого Народного Суда.

На три периода можно разделить всю историю нашего Суда.

Первый период—от декрета о Суде № 1 до введения в действие первых Кодексов.

Второй период—от введения Кодексов до упразднения Трибуналов и учреждения Губсудов.

Третий период—от учреждения Губсудов до настоящего времени.

Каждый из этих периодов имеет свою историю, свою особенную физиономию, соответствующую переживаемому Советской властью моменту.

Первый период,—период борьбы за физическое существование, за хлеб, за соль, за керосин. Борьба со спекуляцией. Суровое время—суровая карательная политика. За куплю-продажу фунта хлеба—годы концентрированного лагеря. Форма судопроизводства—упрощенная. Сроки наказания измеряются пятилетиями, десятилетиями. Имели место даже случаи изоляции до конца гражданской войны.

Суровое время. Героическое время. Второй период—переход на новые рельсы. От фронта военного—на фронт труда. Неп. Ломка методов военного коммунизма.

Приспособление всего государственного аппарата к мирному хозяйственному строительству.

Вооруженная борьба с классовым врагом уступила место вооруженному нейтралитету. Революционную целесообразность, или, вернее, революционное усмотрение в Суде заменила революционная законность с ее писаными законами. Пришлось изучать закон. Трудно с непривычки. Нет, нет, да и размахнешься

по-старому, по-военному. Подсудность—обширная. Нагрузка чрезвычайная. Судебные заседания нередко затягиваются до утра. Колоссальное напряжение умственных и физических сил.

Третий период—период „подвижного равновесия с положительным знаком“. Восстановление производительных сил. Налаживание народного хозяйства. Все более нарастающим темпом идет развитие общественных отношений. Приходится постоянно перестраиваться, чтобы не отстать от темпа общественной жизни. Быстрая смена одних законов другими. Циркуляры. Разъяснения. Трудно становится разбираться во всем этом материале. Нужно учиться. Нужна школа. Открываются всевозможные курсы. Учимся. Помаем зубы о „гранит науки“.

Третий период—период учебы.

Намечается четвертый период. Каков его будет стиль в конечном итоге, определить трудно. Одно лишь несомненно, что он будет развитием и продолжением третьего периода. И зародыши его мы без особенного труда можем прощупать уже теперь. Это будет, прежде всего, период углубления учебы. От изучения буквы закона мы переходим к изучению духа законодательства. Количественный рост писанных законов должен приостановиться. Количество должно уступить место качеству. Рационализация и научная организация труда, господствующие идеи текущего момента несомненно найдут свое отражение и в этой области. Меньше законов, но лучше. Больше простора для творческой инициативы Суда. Меньше искусственных рамок, стесняющих естественный ход развития общественных отношений. Побольше гибкости и эластичности.

Вот с какими настроениями мы, старые работники, встречаем 6-ой Губернский Съезд работников Пролетарской Юстиции.

Ф. Нелюбин.

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ

VI Губернского Съезда работников Советской Юстиции:

1. Доклад представителя НКЮ об очередных задачах Советской Юстиции—*т. Я. Н. Бранденбургский.*
2. Доклад Губернского Суда.—*т. Ф. М. Нахимсон.*
3. Доклад Губернской Прокуратуры.—*т. И. А. Крастин.*
4. Доклад Административного Отдела Губисполкома.—*т. Егоров.* Содокладчик — Губернский Инспектор мест заключения *т. В. М. Беляев.*
5. О работе органов Юстиции в деревне.—*т. И. А. Крастин.*
6. Желательные изменения в Уголовном и Уголовно-Процессуальном Кодексах.—*т. Н. Яковченко.*
7. Желательные изменения в Гражданском и Гражд.-Процессуальном Кодексах—*т. А. М. Кирзнер.*
8. Доклады с мест.
9. Доклад Коллегии защитников.—*т. Ф. А. Энгель и Я. И. Гимпельсон.*
10. Текущие дела.

Деятельность судебных работников Ленинградской губ. в деревне *).

(Тезисы).

I. XIII Съезд партии взял курс на развитие и углубление работы в деревне. Октябрьский Пленум ЦК РКП, развивая решения Съезда, выдвинул на первый план задачу насаждения и укрепления революционной законности в деревне.

II. Эта задача в первую очередь должна быть разрешена совместными и организованными усилиями всех работников юстиции мест и губернского центра.

III. Эта работа должна развиваться в трех основных направлениях: во-первых, в направлении теснейшей увязки с партийными и советскими организациями на местах, во-вторых, в направлении тесного контакта с крестьянскими общественными организациями и, в-третьих, в направлении привлечения к этой работе отдельных местных культурных работников.

IV. Увязка с советскими организациями на местах должна достигаться путем широкой и своевременной правовой их информации и путем расширения личной связи с ними в целях выпрямления их административной деятельности.

V. По линии контакта с крестьянскими организациями прежде всего необходимо связаться с „Домами Крестьянина“, избами-читальнями и Комвзаймами.

VI. Связь с „Домами Крестьянина“

должна быть установлена путем активного участия в работах консультаций, организованных при них и уже накопивших большой опыт в этой работе.

VII. Связь с избами-читальнями имеет исключительное значение вследствие того, что через них работники юстиции переносят свою работу на организации крестьянской периферии. Конкретно работа в избах-читальнях должна выразиться в участии в консультациях (справочных отделах), в чтении популярных лекций-собеседований, в участии в стенных газетах и пр.

VIII. Связь с Комвзаймами имеет то особое значение, что работники юстиции через них связываются уже с самими крестьянскими массами и получают в то-же время возможность активного влияния на развитие самодеятельности масс.

IX. Наконец, большое значение в работе по развитию революционной законности в деревне имеет втягивание в эту работу всех местных культурных сил, в частности, учителей, работников земли и леса и др.

X. В крепкой и активной организации всех судебных работников, связанных со всеми местными культурными силами и действующих под руководством партии, заключается успех борьбы за революционную законность в деревне.

И. Крастин.

О пройденном пути и предстоящих задачах.

Позади осталась полоса упорной тяжелой работы. В день годовщины Ленинградского Губсуда уместно вспомнить о пройденном пути, ибо прошлое служит нам неиссякаемым источником для предстоящей борьбы и работы. В самом деле, кто из нас, судебных работников, не черпает в своей практической работе опыта прежних лет, не бросает взгляда назад, чтобы проверить себя: а правильно-ли я иду вперед?

В памятные всем времена мы не знали ни законов, ни статей, а все-же работу вели правильно, руководствуясь при этом единственной мерой—классовым чутьем.

За это время судебная практика выработала определенный революционный опыт, который следует беречь и передавать тем, кто вновь приходит работать в Суд. Революционная традиция тем и отличается, что она толкает развитие вперед, восставая против всякой косности и ограниченности. И традиция, созданная в ходе развития Октябрьской Революции,

*) 5-й пункт повестки Губернского Съезда.

может служить нам могущественным подкреплением в дальнейшей работе пролетарского Суда. Новая экономическая политика создала совершенно иные условия работы для Суда. Нужно было и в этих условиях идти вперед, правда, не так быстро, как мы шли раньше, но идти вперед, пользуясь для этого совершенно иными методами. Появились Кодексы. Это была новая страница в истории пролетарского Суда. Нужно было, пользуясь законами, сохранить революционные традиции и правильно проводить классовую линию в изменившихся условиях. Началась усиленная подготовительная работа. Каждый судебный работник стремился к тому, чтобы овладеть новыми методами работы, и нужно сказать, что пришедшие от станка и сохи судьи-рабочие и крестьяне — правильно поняли задачи рабочего Суда: они все силы отдали тому, чтобы как можно лучше понять советский закон и направить его на разрешение интересов Революции.

Новые задачи требовали от судьи усерднейшей проработки законодательного материала, ибо без этой проработки дальнейшая деятельность, кроме вреда, ничего не сулила. Последние два года шли, судя по отчетам, и не только у нас, в Ленинграде, но и по всей Республике, под знаком усиленной учебы. Требовалось так проработать закон, чтобы не сойти с классового пути, чтобы в каждом конкретном деле уметь находить классовую сущность и решить дело в интересах Революции. Это была труднейшая работа, и ленинградские Суды с этой задачей справились.

Но вопросы сегодняшнего дня по своему объему еще значительнее.

Интересы Революции предъявляют более сложные требования к Суду. Они немаломо диктуют, чтобы Суды наши поднялись еще выше. Отмахиваться от этих задач нельзя, в них нужно вдуматься и приступить к самой энергичной подготовке.

В самом деле, перед судебными органами Республики поставлены сейчас, в сущности, две задачи: а) неуклонное осуществление классового начала в судебной деятельности и б) приближение судебной практики к массам, т. е. проведение лозунга: „лицом к деревне“ (в городе эта работа в основном проделана).

Прежде всего, несколько замечаний

по поводу классового принципа. Мы часто говорим по данному вопросу, но, к сожалению, необходимой ясности пока не достигли. Например, мы часто говорили о том, что дело надо решить в интересах класса в целом. Сделать такой вывод значительно легче, чем вложить в него соответствующее содержание, отвечающее живой действительности. Решить дело в „интересах класса в целом“, это, прежде всего: знать интересы этого класса, точно представлять себе, что в данный момент целесообразно для класса, что вредно для него,—это значит правильно учитывать общие задачи класса и уметь их сочетать с судебной практикой.

Если судья не представляет себе точно задачи рабочего класса, его традиций, политики коммунистической партии, то он не может быть хорошим судьей. Если судья не понимает основных принципов революционной законности и законов Советской страны, то он не в силах справиться с стоящими перед ним задачами.

Начнем с законов. Было время, когда мы опасались, что наш Суд не справится с той массой законодательного материала, который был издан Рабоче-Крестьянской властью. Теперь эти опасения заглохли. Суды наши окрепли, но успокоиться на этом нельзя. Надо употребить все усилия к тому, чтобы удесятерить наше внимание к законам. Мы часто говорим, что законы наши прекрасные, но мы не всегда совершенно владем ими, чтобы решить дело в интересах класса в целом.

Это изучение дает нам и другое преимущество: оно представляет нам не только возможность быть хорошими исполнителями закона и законности, но и творить пролетарское право. Наши задачи мы изменяем соответственно тем задачам, которые в данный момент выдвигает Революция. Следовательно, чтобы правильнее учесть их и соответственно им построить судебную практику, надо стать более активными в области творчества советского права, чем мы были до сих пор.

Только таким путем мы сможем выйти на широкую дорогу пролетарской общности, содействуя общей нашей цели—подлинному раскрепощению трудящихся по пути к коммунистическому обществу.

В самом деле, судья выполняет очень существенную функцию в системе упра-

вления советской страной, но в том-то и дело, что он, кроме этого, является проводником пролетарской общественности. Нигде так полно и всесторонне не отражается быт, как в Суде, и никто другой, как Суд, может противостоять старому быту; следовательно, чтобы бороться с ним, судья должен быть всесторонне знаком с вопросами пролетарской общественности. Далее Народный Суд должен стать тем центром, куда-бы мог обратиться рабочий и крестьянин за разъяснением волнующих его вопросов и получить соответствующие указания.

Все эти вопросы выдвигают перед судьей новые задачи. Из области специфической работы он должен выйти на более широкий путь пролетарской общественности, только тогда он будет полезен и партии, и советской власти. Еще одно соображение: было-бы огромнейшей ошибкой наших судей, если-бы они, в связи с последним циркуляром НКЮ *), поняли очередные задачи в том смысле, что им следует заняться преимущественно агитационной работой. Вся суть вопроса заключается в том, чтобы судебную работу еще более приблизить к массам, уметь обобщить опыт этой работы выделением наиболее важных сто-

рон пролетарской общественности и передать его массам и этим путем научиться быть полезным рабочему и крестьянину.

Сейчас особенное значение приобретает работа наших Судов в деревне.

Предстоящий Съезд работников юстиции поможет наметить ряд конкретных мероприятий в этой области. Здесь нужно только учесть все своеобразие нашей работы в деревне: нужно, чтобы крестьянин чувствовал в Суде своего защитника от произвола, от деревенского кулака и от прочих безобразий; нужно, чтобы Суд нес в деревню новую общественность, противопоставляя ее старому быту, темноте и предрассудкам; нужно, чтобы Суд был советчиком крестьянину по правовым вопросам крестьянской жизни.

Вот все, что хотелось-бы сказать Губернскому Суду, вступающему в третий год существования. Губернский Суд имеет то преимущество, что он воплощает опыт целого ряда судебных учреждений, функционировавших до реформы Суда. Это обстоятельство есть гарантия того, что наш Суд будет твердо стоять на страже завоеваний Октябрьской Революции.

Пожелаем-же ему и в дальнейшем успешно выполнять свои задачи.

Н. Яковченко.

Задача дня.

Лозунг „Лицом к деревне“ должен превратиться в программу неотложных мероприятий в самое ближайшее время. Мы понимаем этот лозунг таким образом: партия поставила перед всеми органами власти, перед каждой общественной организацией, перед каждым отдельным работником следующую задачу: построй свою работу, в чем-бы она ни заключалась, таким образом, чтобы через эту твою работу помочь восстановлению хозяйства, поднятию культурного и политического уровня широких масс среднего и бедняцкого крестьянства, чтобы через эту твою работу рос, крепчал и ширился союз рабочего и крестьянина.

Такая задача, разумеется, стоит и перед судебным аппаратом нашей Республики.

Если мы всерьез поставим перед собой вышеочерченную задачу, то мы убедимся, что перед нами открывается обширное поприще для работы. Мы, во-первых, недостаточно исчерпали те возможности, которые имеются у нас в деле содействия культурно-хозяйственному подъему деревни; во-вторых, и это самое главное, мы свою непосредственную задачу, свою судебную работу в широком смысле этого слова не поставили таким образом, чтобы всесторонне и наилучшим образом обслужить нужды крестьянства.

Попытаемся наметить ближайшие практические задачи судебных работников и судебной работы в деревне.

Мы не останавливаемся сейчас на вопросе о том, насколько используется наличный состав судебных работников, не исключая и технических, как значи-

*) Циркуляр № 37 (ЕСЮ № 4—25 г.).

тельная культурная сила в деревне. Это выходит несколько за рамки нашей задачи, которые мы ставим себе в настоящей статье.

Но надо все-таки отметить, что это использование чрезвычайно ничтожно.

Укажем, примерно, на те неотложные и необходимые мероприятия, которые следует осуществить в сфере судебного обслуживания крестьянства для того, чтобы крестьянин ясно сознал и почувствовал, насколько наш Суд не только по названию, не только по конечным целям и задачам, которые он осуществляет, но и по действительной обстановке, в которой он работает, по приемам его работы является рабочим и крестьянским.

В каких случаях крестьянину приходится обращаться в Суд? Для простоты будем исходить из рассмотрения условий разрешения так называемых „гражданских“ крестьянских дел. В большинстве это дела о семейных разделах, дела о содержании детей, дела трудовые, в частности, дела по найму пастухов. Как разрешаются нами эти дела? Разрешаются-ли они нами просто, однообразно, по точно установленным правилам? Разрешаются-ли они нами таким порядком, что крестьянин, уверенный в своей правоте и действительно, по существу правый, может быть уверен в том, что он дело свое в Суде проведет скоро, без волокиты. По совести говоря, мы должны сказать, что этой уверенности не только у него, но и у вполне осведомленного, испытанного в разрешении крестьянских дел работника, нет. В чем дело? Основная причина, на наш взгляд, заключается в чрезвычайной неразработанности, я-бы сказал, в чрезмерной общности тех постановлений закона, которые ближайшим образом относятся к крестьянскому быту, к условиям крестьянского хозяйства.

Возьмем такой вопрос. Кто имеет право требовать раздела или выдела крестьянского двора?

Прямо этот вопрос в законе не разрешается. Приписка-ли ко двору вследствие брака, приимачества и т. п., т. е. один формальный момент достаточен для этого или раздел или выдел предполагают, как необходимую предпосылку, трудовое участие в ведении хозяйства двора. Если исходить из основного на-

чала нашего права, что только труд дает право на имущество, то спрашивается, какое количество труда необходимо для приобретения права на раздел или выдел, какое время необходимо состоять членом двора для того, чтобы приобрести это право. На практике эти вопросы разрешаются самым разнообразным способом. Мы сейчас не собираемся давать ответа на этот вопрос. Но важно то, что в законе твердой опоры для решения его в ту или иную сторону нет.

Возьмем другой очень жизненный вопрос. В какой мере имущество двора отвечает по долгам отдельного его члена? Крестьянский парень присужден к уплате на содержание прижитого им вне зарегистрированного брака ребенка.

Мать получила исполнительный лист. У должника никакого личного имущества нет. Он—член двора. Можно-ли обратиться взыскание на имущество двора? Не является ли ребенок, прижитый вне брака, членом двора, в составе которого находится его отец? Ведь у нас никакого различия между родством брачным и небрачным не существует. Имеется-ли у нас в законе прямой ответ на эти наиболее жизненные вопросы крестьянского правового быта? Мы не отрицаем чрезвычайной бытовой сложности этих вопросов. Но тогда имеется-ли у нас какой-нибудь обобщенный опыт в этом направлении, имеется-ли у нас какое-либо „обычное право“ в этой области? Или мы решаем эти дела от случая к случаю, чисто кустарным путем, плодя волокиту, а, в большинстве случаев, ограничиваясь бюрократическим отношением к крестьянским делам? Мол, моя обязанность решить дело, а какие результаты от этого получаются, об этом пусть думают другие.

Для того, чтобы не слишком загромождать статью, мы ограничимся постановкой еще одного вопроса, который выдвигается работой по разрешению „крестьянских дел“. Мы имеем в виду так называемые пастушьи дела. Дела по искам пастухов и к пастухам начинают занимать очень видное место в работе Суда.

Как рассматривать юридические взаимоотношения по найму пастуха? Есть-ли это трудовой договор или какое-либо иное правоотношение? В частности, не следует-ли регулировать взаимо-

отношения с пастухом на основании постановлений о подряде? Уже самая постановка этого вопроса, уже одно допущение мысли о возможности разрешения такого жизненного, имеющего громадное значение для крестьянского хозяйства, правоотношения на взаимно противоположных началах — трудового или гражданского права — свидетельствует о большом упущении в законодательной регулировке вопросов крестьянского быта. Полунаатуральные формы крестьянского хозяйства одинаково не укладываются ни в рамки социалистического права, ни в рамки капиталистических отношений. Очевидно, необходимо выработать какие-то переходные нормы, в коих общие начала нашего советского права были увязаны с своеобразием и особенностями крестьянского быта и крестьянского хозяйства.

Итак мы должны сказать, что важнейшие вопросы, выдвигаемые практикой разрешения крестьянских дел, недостаточно регулируются нашим законодательством, что в этой области имеются существенные пробелы.

Эти пробелы чрезвычайно затрудняют работу Суда и очень чувствительны для крестьянства, представляющего Суду свои запросы. Пробелы эти относятся к так называемому материальному праву. Не лучше обстоит и с процессуальной стороной рассмотрения крестьянских дел.

Мы имеем в виду все еще существующую двойственность в судебном аппарате, обслуживающем крестьянство, параллельное существование Нарсуда и Земельных Комиссий. Не будем спорить о том, кто в состоянии лучше разрешить крестьянское дело — Нарсуд или Земкомиссия. Но оставить дело в том положении, в котором оно находится теперь, недопустимо.

Действительно, разрешенные Нарсудом дела поступают вторично на разрешение Земкомиссий, и обратно. По этим делам тратится время, труд и деньги, ибо пошлины взимаются, как в Нарсуде так и в Земкомиссии. Затем в огромном количестве случаев решения этих двух судебных инстанций взаимно противоречат друг другу. Это еще больше увеличивает волокиту, склоку и дискредитирует судебную систему нашей Республики в глазах крестьянства, убеждающегося в бессилии нашего государствен-

ного аппарата правильно регулировать спорные взаимоотношения граждан. Вопрос об объединении нашей низовой судебной системы неоднократно возбуждался и разрешался в среде судебных работников.

В частности, V Съезд деятелей Советской Юстиции принял резолюцию об упразднении Земельных Комиссий. Но дело это еще не сдвинуто с мертвой точки. В последнее время Пленум Верховного Суда вновь обсуждал этот вопрос и принял решение о необходимости упразднения Земельных Комиссий. Следует пожелать, чтобы решение нашего высшего судебного органа, основанное на огромном опыте массы судебных работников, в конце концов, двинуло вперед разрешение в законодательном порядке вопроса о создании для крестьянства единого, простого и дешевого Суда.

В заключение несколько слов об удешевлении судебного процесса. Несомненно, наш Суд дешевле обходится государству, чем старый суд народного угнетения и бесправия. Но в сознании крестьянства он представляется безусловно гораздо более дорогим, потому что он чувствует его дороговизну на своем кошельке. Сожращения о госбюджете, о распределении его доходных и расходных статей — это все для рядового крестьянина в большей или меньшей мере отвлеченность. А конкретно он сопоставляет следующие факты. Был волостной суд. В нем судили бесплатно. Земский начальник и тот брал только копейку с рубля. А в нашем Суде за раздел крестьянского двора надо заплатить несколько червонцев. Ибо у нас пошлина исчисляется до 6%, и если двор оценен в 1000, примерно, рублей, — а денежная оценка среднего двора редко бывает меньше этой суммы, — то делящимся, в общем, надо внести в Суд 60 руб. судебной пошлины.

Допустимо-ли это или нет? Нам кажется, что это недопустимо. Почему у нас имеют место такие недопустимые налоги на крестьянство? Потому что мы относились недостаточно внимательно к условиям судебной работы в крестьянской среде. Лозунг „Лицом к деревне“ должен заставить нас проверить многое в нашей работе в деревне и проявить больше внимания к особенностям хозяйства и быта многомиллионного крестьянства.

Подводя итог изложенному, мы должны наметить следующие наши задачи под лозунгом „лицом к деревне“. Мы должны возможно подробнее и отчетливее разрабатывать законодательство по урегулированию вопросов крестьянского быта и крестьянского хозяйства, мы должны

объединить и возможно упростить нашу низовой судебный аппарат, мы должны удешевить Суд по крестьянским делам. Тогда четкий в своей работе, скорый и дешевый Суд послужит одним из звеньев смычки рабочего класса и крестьянства.

Ф. Вольфсон.

Из итогов работы Дисциплинарной Коллегии.

Осуществление классовой пролетарской линии в советской карательной политике стоит в тесной связи не только с писанными законами, но и, большею частью, с пролетарским судьей, его революционным чутьем. Поскольку наше Советское право еще молодое, поскольку мы не имеем еще полностью своего пролетарского состава Суда, постольку нам необходимо иметь орган, не только учитывающий правильность проведения пролетарских принципов в карательной политике, но и контролирующей качество личного состава судебного аппарата—проводника этих принципов. Таковым органом на местах является Дисциплинарная Коллегия Губернского Суда.

Наш судебный аппарат содержит в себе большой процент дореволюционного состава, который прошел через все испытания рука об руку с Советской властью, воспринял дух советского законодательства и в приложении с его теоретическими и практическими знаниями является сейчас ценным работником; но в том же числе остался и судья, который не сумел воспринять этого ценного для нас существа, остался с чуждой для нас психологией, но способный затуманить глаза судью-рабочего своим знанием статей закона. Случается, что рабочий смотрит на такого судью, как на идеального, и старается тянуться за ним, зубрит статьи закона, а за этой плохо усваиваемой буквой дробит свое революционное правосознание, которое единственно помогало ему правильно разрешать дела, и впадает в ошибку, присущую и его «идеальному» судье. Привлекая судью-рабочего к дисциплинарной ответственности, Дисциплинарная Коллегия должна проявить в этом случае максимум внимания и осторожности. В этом случае нужно распутать тот клубок, который затуманивает судью-рабочего, поставить все на свои места и указать ему правильный путь. Это разрешение вопроса будет иметь то воспитательное значение, которое необходимо для изживания шероховатостей в преломлении карательной политики на местах.

С другой стороны, в дисциплинарном по-

рядке нужно применять и карательные меры. Например, судья выносит приговор рабочему, добровольцу Красной Армии с 1918 года, выле военному Балтийского Флота, члену РЛКСМ, обвиняющемуся в попытке познакомиться с прогуливавшейся по саду гражданкой, и в состоянии возбужденности оказавшему при его аресте противодействие милиции, с наказанием в пять лет тюремного заключения. Этот приговор даже на первый взгляд может быть примером приговора исключительной классовой невыдержанности, и судья, вынесший подобный приговор, должен подвергнуться высшему дисциплинарному взысканию, ибо дальнейшее пребывание его в качестве судьи может принести лишь вред.

Большую осторожность и внимание требуют к себе дела, проходящие перед Дисциплинарной Коллегией, по обвинению судебных работников в занятии подпольной адвокатурой, особенно дела работников отдаленных и отдаленных губерний. Рассматривая эти дела, прежде всего нужно учесть действительные обстоятельства и степень причиненного ущерба советскому правопорядку. Рассмотрим несколько примеров. Секретарь Прокуратуры одной из отдаленных областей пишет заявление, по просьбе подвергшегося административному взысканию, на имя Прокурора. При отсутствии в данной местности Коллегии Защитников и при отсутствии корыстной цели у секретаря, в этом поступке ничего предосудительного нет, его все же привлекли к дисциплинарной ответственности. Другой подобный же случай: Нарсудья Тарского уезда, Омской губернии, предоставляет право оказания населению юридической помощи секретарю Волкова. Настоящее разрешение выдано по причине отсутствия в данном уезде Коллегии Защитников, но население имеет тягбы и должно каким-то образом получать ответы на свои запросы. Ничего, казалось, вредного секретарь не совершил.—Его тоже привлекли к Дисциплинарному Суду. Но имеются и иные факты, как например: судебный исполнитель Марийской автономной Области одновременно занимается и

частной практикой, которая выражается в трехстах-четырёхстах дел, причем берется защита обоих тяжущихся сторон, вследствие чего такой адвокат обеспечивает себя обязательным выигрышем дела той или иной стороны. В этом случае судебный исполнитель строит свое благополучие на темноте бедняков и наносит определенный ущерб делу, возложенному на него по должности. В данном случае подпольная адвокатура должна быть преследуема, а к судебному исполнителю должна быть применена статья 113 п. «г» Положения о Судостроительстве. Хотя формально в законе не оговорено участие в защите судебных работников, но из указанного примера видно, что фактически это положение не может быть допустимо, поскольку оно предвосхищает собою работу, возложенную на судебного работника государством непосредственно, а также явное проявление корысти такого работника должно строго караться.

Для безболезненного проведения определенных общественно-полезных и необходимых задач нужно, чтобы Советский Суд пользовался среди трудовых масс населения обязательным авторитетом, чтобы у населения было доверие к Суду и отношение к нему, как к своему справедливому другу, приходящему в тяжелые периоды его жизни ему на помощь, а авторитет Суда находится в руках судебных работников. Судье нужно завоевать симпатию населения и известный политический авторитет к себе, а затем можно будет рассчитывать и на авторитет Суда. В этом случае судья должен всегда помнить, что его работа, его личная жизнь и его поведение проходят всегда на глазах населения, что он

всегда на виду, что все его ошибки учитываются населением. Если судья всенародно оскандалит себя своим неосторожным поведением, то он уже не может выступить в качестве судьи. Судья должен быть в глазах населения безупречным.

Но на местах имеются и такие явления, когда уездного судебного работника тянут к дисциплинарной ответственности по каждому мелочному поводу, как например: непредставление во время отчетности о движении дел или занесение дела не в ту книгу, или не в тот параграф этой же книги, или малая производительность труда. При наличии тех тяжелых условий, при которых приходится работать на местах, часто при отсутствии материальных средств, такая мелочная причина только нервнует, озлобляет и мешает правильной работе. Вместе с тем, хотя бы даже халатность или неспособность данного работника к несению своих обязанностей не есть проступок, требующий дисциплинарного взыскания. Если работник не годится, то каждый административный отдел Губсуда может просто его уволить, как несоответствующего своему назначению, не накладывая на него дисциплинарного порока.

Исходя из изложенного, нужно пожелать Дисциплинарным Коллегиам не засорять своего производства делами мелкого характера, как указано в последних строках, а обратить все серьезное внимание на дела принципиального характера, от которых зависит действительно правильное проведение в жизнь принципов пролетарской карательной политики.

Н. Немцов.

Революционная законность и Административный Кодекс *).

(Основы доклада на Всероссийском съезде нач. Адм. Отделов и зав. Губ. Розысками).

Тема всегда ко многому обязывает автора. Не случайно мы взяли свою: — революционная законность у нас в СССР проводится твердо, но далеко не всегда это делается с одинаковой интенсивностью и полнотой во всех областях государственной жизни.

В частности, в области управления и администрирования мы отстали, и тут придется в самое ближайшее время наверстать упущенное. Но остается еще непонятным для некоторых центральных ведомств вопрос о том, отстали ли мы в указанной области, а потому и издание но-

вых законов является еще делом «спорным». На этом, по видимому, основании под сомнение была поставлена необходимость и целесообразность издания «Административного Кодекса».

Но, повторяем, система революционной законности сейчас уже никем не оспаривается. С этой стороны было бы просто невероятным отрицание революционной законности в области администрирования, а, значит, спор может идти о формах, размерах и темпе ее проведения. В исследовании поставленного вопроса мы будем исходить из ныне существующей административно-правовой практики и фактического состоя-

*) К 4-му пункту повестки Губернского Съезда.

ния административного аппарата. Переходим к существу вопроса.

По функциональному признаку деятельность государственного аппарата расчленяется на три составные части: законодательную, судебную и исполнительную. На практике у нас такого строго членения аппарата не делается, но это определение дает основание для того, чтобы определить место наших адморганов в общей системе механизма государственного аппарата. Наши административные органы по этому признаку являются органами исполнительными, они организуют принуждение. С этой точки зрения административное управление включает в свое понятие: 1) организацию отношений между выше и нижестоящими органами и 2) регулирование отношений между администрацией и гражданами. НКВД, считая вопрос о революционной законности в области административной назревшим, разработал Административный Устав или Кодекс, который в свое время и разослал местным и центральным учреждениям и ведомствам. Этот документ охватывает вторую часть—т.-е. вопрос о взаимоотношениях между администрацией и гражданами и иностранцами, временно или постоянно проживающими в стране; в нем, как всякий читавший видел, две части—он трактует: о формах административной деятельности и об охране революционного порядка и спокойствия. Административный Кодекс должен устанавливать и устанавливает: а) нормы для администрации в сфере взаимоотношений с гражданами, б) нормы для граждан в сфере их общественной деятельности, в определенном круге вопросов, которые точно перечислены в этом проекте устава. Устав устанавливает административную ответственность граждан за совершение публичных правонарушений; устав устанавливает судебную ответственность для администрации.

Совершенно очевидно, что дело не могло ограничиться только небольшими новшествами, и потому устав систематизирует разбросанное законодательство, согласовывает его, дополняет, и, наконец, на основании учета опыта работы мест и центра он разграничивает сферу деятельности между аналогичными по характеру своей работы учреждениями. В частности, дается конкретная постановка вопросу об административных высылках и ссылках в направлении устранения некоторой неувязки работы Административных Отделов с несоответствующими органами на местах. Мы начали оперировать с «Административным Кодексом» и будем это делать и дальше потому, что этим документом Наркомвнудел поставил вопрос о революционной законности в области административной.

Но нужен ли сам по себе Административный

Кодекс, есть ли необходимость в его издании? Такая постановка граничит в нашем представлении с вопросом о том, нужно ли определение и уточнение основ революционной законности в административной практике. Три с половиной месяца тому назад проект Кодекса был уже разослан на отзыв местным органам и центральным ведомствам. На 24 января этого года мы получили 62 отзыва; 46 от местных органов и 16 от центральных ведомств. Эти отзывы могут быть разделены с точки зрения организационной на три категории. Прежде всего, мы здесь имеем оценку областных, губернских исполкомов, автономных республик и наших Губадмотделов,—все эти органы встретили Кодекс весьма восторженно. Сюда же нужно отнести НКФ и НКВД. Вся эта группа учреждений и ведомств имела всестороннее суждение по проекту и, несмотря на ряд поправок, которые они вносят, дает положительную характеристику. Двенадцать Наркоматов дали свои отзывы, вовсе не затрагивая вопроса о том, нужен ли Административный Кодекс, считая эту сторону вопроса совершенно бесспорной. Они останавливаются только на технических и организационных дефектах построения самого Кодекса. Третья группа—самая малочисленная, возглавляет ее НКЮ. Последний считает, что в таком виде издавать Кодекс не следует. Чем продиктовано такое заключение, нам неизвестно, но в таком виде и наряду с отзывами местных органов НКЮ и НКВД, оно представляется нам не решающим.

Что было побудителем к составлению Административного Кодекса? За прошлый 1924 год несколько Губисполкомов под давлением необходимости совершенствовать административный аппарат, упорядочить его деятельность, вынуждены были издать свои местные Административные Кодексы, как видите, даже не уставы. Так было в Ярославской губернии и в др. Совершенно понятно, что не только на местах, но и здесь чувствовалась и до сих пор чувствуется потребность в обработке того законодательного материала, который регулирует область взаимоотношений между администрацией и гражданами, одну из огромнейших и сложнейших областей. Естественно, что проект Административного Кодекса был дополнен рядом новых положений, рядом новых глав.

Так, в проект Кодекса введены новые главы: а) об обысках, б) выемках, в) личном задержании, г) об исполнении за счет обязанных, д) об употреблении оружия и призыве войск, е) о собраниях, шествиях и манифестациях и ж) о борьбе с социальным паразитизмом и хулиганством. Целый ряд глав был изменен, не считая мелких технических и организационных измене-

ний, которые вошли в связи с разработкой Административного Кодекса.

Укажем на наиболее важные изменения. Так, изменено существующее законодательство в главах: 1) «Административные высылки и ссылки», 2) «О чрезвычайных мерах охраны революционного порядка», 3) «Административные меры при стихийных бедствиях» и 4) «Выдача видов на жительство для иностранцев».

Все это направляется в общем к согласованию и развитию существующего законодательства в административной области. Всем известно, и мы знаем, что отсутствие строгого разграничения в сфере деятельности между учреждениями, аналогичными по характеру своей работы, вызывали и вызывают волокиту прохождения дел, и естественно, что задержка в исполнении различных ходатайств и просьб населения порождала и порождает нарекания и жалобы, бесконечные ходатайства об ускорении разрешения того или другого вопроса. Ясно, что с этой стороны мы старались при построении Кодекса предусмотреть разграничение функций, аналогичных по характеру деятельности учреждений.

Вот основные побудители, которые явились к написанию Кодекса. Надо иметь в виду, что Кодекс был разработан, примерно, год тому назад. С тех пор обстановка сильно усложнилась, и сейчас в защиту Устава имеются еще более веские мотивы, более веские основания и доказательства.

Прежде всего, нужно учесть экономический мотив. Бесспорно, что рост народного хозяйства, рост материального и культурного благосостояния населения страны, вообще, повышает требования к Советской власти. Естественно, что сам по себе рост хозяйства, формы, создаваемые этим ростом, производственные отношения, получающиеся в результате этого роста, требуют определенных условий, при которых дальнейший рост хозяйства будет этим обусловлен. Они требуют создания более устойчивых условий, способствующих дальнейшему росту народного хозяйства. В доказательство этого можно было бы привести много данных, но мы этого делать не будем, ибо все эти материалы не раз публиковались в нашей центральной прессе, — они общедоступны, а главное, еще никем не только не опровергнуты, но даже не поставлены и под сомнение. Мне хотелось бы только коснуться некоторых данных нашего Комисариата. Возьму рост обществ и союзов. Эти данные у нас имеются; добыты они благодаря разработке получаемых нами отчетных сведений Адм.делов.

На 1-ое июля 1924 года у нас было 545

обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли. Возникли они так: в 1922 г. — 10% от всего количества обществ и союзов, в 1923 г. — 57% и в 1924 г. за первую половину его — 33%. Можно было бы взять и другие цифры. Дополним только цифрами о росте прироста населения. Естественное движение населения — его прирост на 10 тыс. душ населения по годам дает такую картину: 1911-12 годы +161, 1920 год +58, 1922 г. +117, 1923 год +148 и 1924 год за первую половину +160 душ. Таким образом, в 1924 году имеем почти довоенный прирост. Это говорит об увеличении материального благосостояния трудящихся масс страны. Первые цифры, кроме этого, говорят еще и об увеличении общественной и политической активности населения и отдельных его групп.

Есть и политический довод в защиту издания Кодекса. Сейчас мы слышим серьезные нарекания на административный произвол, на административное озорство, которые чинятся на местах отдельными должностными лицами. Надо сказать, что недавно закончившийся Бсероссийский Съезд Нач. Адм.делов и Зав. Губрозрысков с непрерываемой положительностью и бесспорностью установил, что это административное озорство и произвол сейчас на местах действительно имеют место. С точки зрения решения политической проблемы, — укрепления связи рабочего класса с крестьянством, для нас сейчас издание закона, который введет в определенные рамки, в нормальное русло деятельность нашего административного аппарата, явится шагом вперед. Отсюда, — издание Кодекса является обязательным, а, главное, это приобретает уже глубокий смысл упорочения революционной законности.

Можно вести спор, как далеко должна пойти регламентация прав административных учреждений, должностных лиц и граждан, можно говорить о темпе регламентации, но совершенно ясно, что к этой регламентации нужно приступить сейчас, иначе административный аппарат не повернуть «лицом к деревне». Я — сторонник того, чтобы не спешить, не предупреждать, не опережать событий, ибо рост хозяйства и вызревающие его формы и производственные укажут размер этой регламентации, но первое основание этой регламентации нужно положить, и к этому обязывает нас окружающая, внутренняя обстановка.

Есть мотивы, которые выходят за пределы интересов только внутренней политики. Я имею в виду международную обстановку. В сумме всех нареканий, которые делаются на нас врагами, большое место занимает наш «административный произвол», «административное ус-

мотрение» местных органов. Намерения врагов нам известны—мы знаем, что делается за границей, где регламентация достигла наивысших пределов. Оступился — плати, плюнул — плати, повернулся не так — плати, словом, всякое ваше движение должно быть машинизировано. Нет такого неловкого движения, которое бы не штрафовалось. Недавно из Германии приехал левишый там товарищ, его жена рассказывала, что одни штрафы стоили им очень дорого. На каждом шагу платят штраф. Этим мы не берем, конечно, под защиту плохих привычек и плохих сторон нашей жизни, но должны указать, что регламентация там достигла высших пределов. Но куда она направлена? Она касается, главным образом, трудящихся масс, и это идет по линии защиты частной собственности. Каждый шаг ограничен для трудящихся масс, но свобода грабежа господствующей клике обеспечена. Мы — то цену заявлениям наших врагов знаем — им нужна у нас свобода для их ненавистной эксплуатации наших трудящихся масс. Но это — то им позволено и не будет. Однако издание Устава несомненно ослабит позицию наших врагов.

До настоящего времени в полной силе остается и прежний довод, о необходимости согласовать законодательство, переработать его, систематизировать, привести в единое стройное целое, дать единый документ. В предложениях о переработке Устава были и такие, которые предлагали превратить Кодекс в справочник с ответами на все вопросы, во всех случаях жизни. Само собой, что это невыполнимо, к законам таких требований предъявлять нельзя, и мы постановкой этого вопроса вовсе не занимаемся и не задаемся. Кодекс нужен, но новая обстановка требует его значительных изменений. Этот проект должен быть в значительной мере расширен. Вот если бы таким образом подошли к делу все, то эта постановка была бы вполне практической и приемлемой.

Несколько слов в отвличение. Мы опустили еще ряд доводов, которые не менее важны. Приведем один из них. Состоялось решение II Сессии ВЦИК'а о передаче наложения административных взысканий по ряду дел ведомству Наркомвнудела, которые раньше шли в судебном порядке. Это — самогон, лесохитение и т. д. Дела эти сейчас переданы Наркомвнуделу, и он вынужден проведение административных репрессий взять на себя. Это в значительной мере расширяет его и его местных органов обязанности, расширяет сферу взаимоотношений с населением, и естественно, что при теперешнем состоянии нашего административного аппарата, расширение сферы его деятельности требует зна-

чительной регламентации как для местных органов, так и для самого населения.

В какой же мере необходимо переработать Кодекс и нужно ли это сделать? Нам думается, что безусловно нужно. С момента написания проекта прошел год; за это время был написан и издан ряд законов, и, в частности, той же второй Сессией ВЦИК был принят закон о праве издания обязательных постановлений ВИК'ами. СНК РСФСР было принято постановление о порядке наложения в губернских городах штрафа милицией. Принят и опубликован Таможенный Устав и ряд других законов, которые должны быть сейчас несомненно учтены и найти себе отображение в Уставе. Дело, конечно, не ограничится только этим — сейчас придется добавить ряд новых разделов и глав. Потребность в этом вызывается более глубокими причинами. Все вышеприведенные доводы говорят за то, что Административный Кодекс нужен, и возражения против него не являются существенными, да и, в сущности говоря, серьезных возражений НКЮ не представил. В каком виде он предполагает Кодекс, он нам не сказал. Даже необходимость переработки первоначального проекта не ослабляет силы нашей аргументации. Обстановка и условия настоящего времени еще более настоятельно и остро диктуют необходимость издания Кодекса. Кодекс, конечно, облегчит работу наших административных органов, но это вовсе не исключает необходимости непрерывного и дальнейшего совершенствования аппарата. У нас сложилось от полученных нами восторженных отзывов с мест такое впечатление, что если издать Кодекс, то все недочеты немедленно и свалятся. Кодекс, сам по себе, конечно, не разрешит вопроса: тут нужно соблюдение и других условий, порой весьма серьезных. Речь идет об улучшении аппарата. Парочку из них мы напомним: 1) нужен хороший личный состав адморганов, 2) необходимо внедрение революционной законности не только в среде должностных лиц, но и населения и проч. В отзывах, которые даны многими ГИК'ами, АО, даже Наркоматами, говорится об издании Кодекса, а не Устава. Может быть, закон от этого что-нибудь и выиграет с внешней стороны, приобретет известную солидность. Большинству нравится больше Кодекс. Кодекс, так Кодекс — мы спорить не будем, но важно его издание; это — то мы и доказываем. Лично я сторонник того, чтобы назвать его Кодексом, но, повторяю, не в этом сущность вопроса, ибо спор идет отнюдь не о том, издать ли нам новый хороший или плохой закон, а об установлении и укреплении основ революционной законности в новой области, где она до сих пор больше всего хромала и приносила вред.

Идем дальше, и в первую очередь разберем вопрос об отношениях между администрацией и гражданами. Тут нам важно установить действительно ли эта область отношений такова, что здесь-то нам и нужно внедрение революционной законности. Как государство имеет права и обязательства в отношении населения, так и население имеет обязательства, и отсюда, само собой, и права. В нашем законодательстве нигде ясно и четко взаимные обязательства не формулированы, но Конституция, во вводной своей части, дает основания для постановки этого вопроса. Итак, мы считаем, что природа отношений между администрацией и населением заключена в нашей Конституции, — она заключена также в самом существе природы и характера власти.

Какие же существуют, хотя и неписанные, обязательства государства? Государство собирает налоги и, в свою очередь, оно обязано обслуживать многообразные нужды и запросы населения. Кто же будет организатором трудовых усилий населения, как не органы Гос. власти? Разве в силах, например, каждый крестьянин строить школу, больницу, телефоны, почту и проч.? Организующая и руководящая роль лежит на органах государственной власти. Сфера государственного управления заключает в себе, охватывает охрану и обеспечение революционного порядка и спокойствия, попечение — заботу о народном здравоохранении и народном образовании и всевозможное содействие развитию условий, способствующих росту народного хозяйства. В сферу НКВД с этой точки зрения входит: защита имущественных и личных прав и интересов населения, организация борьбы со стихийными бедствиями, регулирование передвижения населения и проч.

Каковы же обязанности граждан? — Известно, что каждый гражданин из класса трудящихся обязан защищать свое Советское отечество, действовать органам государственной власти в ликвидации стихийных бедствий; кроме того, на гражданах лежат материальные обязательства в виде налогов и проч. Это основное, оно и будет критерием в организации регулирования отношений. Теперь переходим к содержанию Кодекса. Нужно сказать, что он, на основании практики и опыта работы мест, прежде всего решительным образом исключает административное усмотрение, и это одна из основных задач, которая разрешается Кодексом более положительно, чем что бы то ни было другое. Не административное усмотрение, дающее основание для широкого произвола, а революционная законность, не опека населения на основе того же административного усмотрения, а организация самодеятельности, трудовой инициативы, его классовый принцип —

вот основы Административного Кодекса. Чтобы проследить и уловить классовый признак, возьмите главу об организации собраний, шестивий и манифестаций ст. 229, 30, 31 и 32 и ст. главу 378, 400 и 401.

Ряд статей Административного Кодекса ссылается на существующее законодательство, и они в такой же степени и мере классовы, как классово и вообще наше законодательство. Это — статьи 18, 46, 47, 51, 53, 88, 92 и друг. Классовый принцип выдержан.

Говорилось уже, что одной из составных частей адмработы является организация принуждения. В Кодексе этому отведено достаточно много места. Нужно ли принуждение? В классовом обществе законы являются выражением господства правящего класса.

Для того, чтобы придать силу своему закону, прибегают к принуждению, используя с этой целью весь аппарат Госвласти. Это в обычном классовом обществе. Наше же положение много сложнее; все особенности и своеобразие этого состояния — в существе переходного периода. Административное принуждение есть применение и использование мер, направленных к понуждению граждан к исполнению публично-правовых обязанностей и отношений, к предупреждению или пресечению различных публично-правовых нарушений. Но принуждение не может являться самоцелью — репрессия для репрессий. Административное принуждение может быть лишь средством, и применять его надо только в случаях безусловной необходимости.

Если, вообще говоря, административное взыскание является мерой воздействия, — а это так именно и есть, — направленной на пресечение правонарушения и предупреждение повторения со стороны других лиц аналогичного правонарушения, то оно должно быть, прежде всего, мерой показательной, не обременительной и направленной на одно лицо.

Массовое применение репрессий притупляет сознание и утрачивает весь смысл воспитательной показательности. Надо оговориться, применение их в практике бывает совершенно иногда неизбежным, но в этом случае они должны быть краткосрочными. Это практиковалось и по опыту работы в любой губернии. Каждый читатель может проверить правильность этого принципа. Мы понимаем прекрасно, что от массовой репрессии отказаться вовсе нельзя, но применять ее часто, пользоваться ею, как методом, также не следует. Репрессия должна быть быстрой, иначе она утратит свой смысл показательности. Скажем и о штрафах. Тут дело обстоит чрезвычайно неблагоприятно. Здесь область едва ли не наибольшего приложения административного про-

извола и озорства. За период июль—октябрь 1924 г. по 43 губерниям было наложено штрафов на 180.000 человек; из них, из общей суммы административных взысканий 97%, около 175.000, подвергнуты штрафу и только 3% принудительным работам. Эти цифры только за один квартал. Если сравнить их с предыдущим кварталом, то обнаружится, что последний отчетный квартал дал увеличение на 15%. Соответственно этому остается то же соотношение между штрафами и принудительными работами.

Размер штрафов определен за апрель—июнь в 1.917.000, июль—октябрь в 2.211.000 руб. Отсюда виден не только численный рост штрафов, но и размер обложения. Взыскано фактически было в первом случае весной по 40 губерниям 661.000 р. или 54%, а во втором 1.450.000 р. или 65%.

Если бы мы взяли раскладку на одного человека, то и тут мы имеем рост размеров штрафов против прошлого года. Какие можно сделать отсюда выводы? Или у нас, действительно, публичные правонарушения растут, или же мы здесь имеем искусственное повышение, и штрафы превращаются в источник дохода.

Если взять цифру в 2.200.000 руб., то за четыре квартала это даст около 10 мил. рублей. Учтите количество населения, на которое падают штрафы, и вы будне иметь большой налог в самой безобразной, икем не регулируемой, форме. Данные, которые имеются по этому вопросу, значительно богаче: % действительно взысканных штрафов (54% и 65%) показывают, что размер налагаемых штрафов является для населения непосильным и невыполнимым. Это означает, что такой порядок установления штрафов ведет к неисполнению распоряжений адм. органов и к подрыву авторитета органов власти.

Наше мнение,—к этому вопросу нужно подойти самым осторожным образом и сейчас уже поставить вопрос о пересмотре системы штрафов. Прежде всего штрафы должны быть посылные, они должны быть показательные, как и все административные репрессивные меры, а затем они должны быстро исполняться. Основными методами исполнения принуждения должны быть: посылность, показательность и быстрота исполнения. В последнем случае мы имеем в виду приближение мер воздействия к моменту совершения правонарушения.

Мы остановились на административном принуждении и в частности штрафах несколько подробнее, чем это следовало бы в интересах соразмерности частей статьи, но сделали это сознательно, чтобы еще и еще подчеркнуть, сколь важно внедрить и сюда основы революционной законности.

Наиболее распространенными формами адми-

нистративного принуждения являются: а) адм. высылка и ссылка, б) адмарест или задержание, в) адм. употребление оружия, г) адм. надзор, д) адм. принудительное исполнение, е) исключительное и военное положение. Это—наиболее распространенные формы (внешние проявления) административного принуждения.

Два слова об элементах, определяющих отношения администрации с гражданами на почве закона. Мы имеем в виду известные всем обязательные постановления и административную юстицию. Бегло, мельком остановимся на них.

Как издаются обязательные постановления, известно. Какие обязательные постановления являются незаконными, также известно. Просто даем определение обязательных постановлений. Это—адм. акты, которые обыкновенно направляются на установление определенных конкретных отношений и состояний, при чем могут направляться на изменение или прекращение их. Незаконными из них являются те, которые противоречат всему существующему законодательству или отдельным его частям, духу и смыслу Конституции, которые приняты в незаконном составе и которые приняты в незаконной форме. В определении незаконности обязательного постановления я остановился только на главном.

Дальше мы переходим к административной юстиции. Проект Кодекса НКВД этому не уделял достаточно внимания. Здесь мы различаем три вещи: 1) проверку правомерности действий нижестоящих органов со стороны вышестоящих, 2) право обжалования населением действий и распоряжений как органов местной власти, так и отдельных должностных лиц и 3) ответственность должностных лиц. Особенно большое внимание мы уделяем вопросу о праве обжалования населением действий административных органов и должностных лиц, при чем мы считаем, что без участия крестьянства в вопросах чистки нашего низового аппарата, без предоставления широких прав и возможностей безнаказанно обжаловать со стороны тех, на кого подается жалоба, безобразия отдельных должностных лиц, мы не можем успешно организовать дело борьбы с административным произволом и озорством. Вот почему в Кодексе нужно включить самостоятельную главу, которой надо предоставить право или узаконить существующее обычное право подачи жалоб вышестоящим органам, Прокуратуре и Суду на всевозможные неправомерности, чинимые отдельными должностными лицами. Жалобы надо освободить от оплаты, потому что оплата гербовым сбором в 2 руб. слишком обременительна для крестьянства. Вот почему НКВД уже изменил п. 9 правила о принятии жалоб. С ложными доносами, с клеветами,

мы, конечно, будем бороться. Есть статья Уг. Кодекса и она дает эту возможность. Но об этом речь сейчас идти не может, ибо крестьянин вопит от безобразий, которые творятся отдельными должностными лицами, а не наоборот, не служащие — от неверно приносимых жалоб. Важно поставить дело так, чтобы жалобщику была предоставлена возможность видеть одного из ответственных руководителей учреждения. С техническим сотрудником он откровенно разговаривать не будет. Надо гарантировать гражданину возможность избежать мести, кары со стороны лиц, на которых подана жалоба. Как может крестьянин подать жалобу, когда он не уверен, что не подвергнется гонению со стороны лица, на кого подана жалоба? Дальше нужно обязательно расследовать и довести дело до логического конца, т. е. до фактического наказания виновных. Надо, чтобы на соответствующих крестьянских сходах было объявлено, что такие безобразия должностных лиц Советской Властью караются, что с ними решительно борются; тогда только и будет иметь смысл подача жалоб. Административный Кодекс устанавливает судебную ответственность для должностных лиц. Я назову ст.ст. 18, 37, 105. Этого мало. Ответственность должностных лиц за незаконные действия — обязательный элемент административной юстиции. Еще один вопрос. В Административный Кодекс введена целая глава о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка и спокойствия.

Формы, методы и содержание адм. работы определяются общими условиями. Обычные меры применяются в спокойное время. Чрезвычайные меры практикуются только в ненормальной обстановке.

В последнем случае элемент принуждения усиливается, методы убеждения отступают на задний план.

Введение исключительного положения влечет:

- а) сосредоточение всей власти в През. ГИК'ов,
- б) передоверие части прав высших органов в части издания обязательных постановлений в развитии и дополнение действующих законов в области охраны государственного порядка и спокойствия,

- в) предоставление местам права адм. высылки,

- г) повышение санкций за нарушение обязательных постановлений,

- д) предоставление Президиуму ГИК права объявлять и производить реквизицию и конфискацию и устанавливать трудовую повинность и
- е) установление круговой ответственности населения.

Мы подошли к концу. Сейчас уже можно судить, верно-ли поставлен вопрос. Для упрощения дела мы взяли объектом один из документов, но это сделано лишь для удобства. Можно всюду исключить «Административный Кодекс», и тогда не менее ясно будет стоять вопрос о необходимости установления твердых основ и форм революционной законности в области администрирования. Мы допускаем, что теперешний проект Административного Кодекса совершенным документом не являясь, но что отсюда следует? Отказ от него, затушевывание существа вопроса? Совсем нет — Кодекс надо переработать, и только. Он и будет переработан. Положением о ВИК'ах и сельсоветах сделан только первый шаг. Издание Административного Кодекса будет вторым.

Наша партия и Советская власть конкретно поставили задачу улучшения госаппарата; одним из элементов этой работы и будет сокращение административного усмотрения и замена его революционной законностью. Так стоит вопрос.

М. Болдырев.

Новое учреждение.

Судебных работников Ленинградской губернии, собирающихся на Губернский Съезд работников Юстиции, заинтересует организация одного нового учреждения при Ленинградском Губсуде.

Организованные Ленинградским Губсудом в конце прошлого года курсы по переподготовке судебных работников включили, как известно («Рабочий Суд» — 24 г., № 19-20, стр. 601—604), в цикл своих занятий и занятия по психиатрии, которые устраивались при Диагностическом Институте имени Ленина. Усиленная посещаемость этих занятий, несмотря на крайнюю отдаленность Института от центра города, неослабный интерес

и напряженное внимание, с которым судебные работники следили за разбором представляемого им живого материала, доказывали, что в деле ознакомления работников Суда с основами психиатрии и с основами общих и частных вопросов судебной медицины на полпути останавливаться не следует.

Этот вывод подкрепил мысль об организации при Ленинградском Губсуде постоянно действующего учреждения — Криминологического Кабинета. Председатель Губсуда Ф. М. Нахимсон вошел в Президиум Губисполкома с докладом об учреждении такого кабинета и об отпуске необходи-

Я. Г. Озолин.
Заместитель Председат.
по Гражд. Отделу.

И. А. Крастин
Губернский Прокурор.

Г. В. Беляков
Заместитель Председат.
по Уголовн. Отделу.

Ф. М. Нахимсон
Председатель.

Президиум Ленинградского Губернского Суда.

Стоят: Секретарь Гражд. Отдела Губсуда В. Н. Степанова, Нарсудья Е. А. Порочкина,
Нарсудья Е. А. Петерсон, Нарслед Е. К. Якимович.

Сидят: Нарслед О. А. Барковская, Секретарь Председателя Губсуда А. Е. Лупилова, Запасн.
Судья Ц. М. Менделеева, Член Суда Е. К. Васильева, Член Суда—Председ. Угол. Кассац.
Отдел. Е. И. Домбровская.

Судебные работницы Ленинградского Губсуда—Члены Суда, Нарсудьи, Нарследы и Секретари.

мы
Кор
реч
вол
ны
слу
пос
пре
вет
чес
ме
мог
на
яни
не
коо
рас
т. е
что
бы
сти
ни
име
Кор
для
это
за
адм
В
гла
мно
опр
при
мер
обс
ого
ний
ни
ни
нов
кон
суд
(«Р
в ц
кот
ети
эти
Инс

СПбГУ

Содержание
1. Введение
2. Глава I
3. Глава II
4. Глава III
5. Заключение
6. Литература

ных для него материальных средств. Эти средства уже отпущены, и мы стоим теперь перед началом работ Криминологического Кабинета при Ленинградском Губсуде в ближайшем будущем.

Надо отметить, что Ленинградский Губсуд является первым Советским Судом, открывающим такой Кабинет, посвященный изучению преступлений.

Побудительные мотивы, которые привели к открытию именно Криминологического Кабинета, ясны. Поскольку преступление, как социальное явление, порождается обстоятельствами, имеющими первопричинную моменты экономического характера, и поскольку преступление своим внешним выражением (правонарушение) связано с личностью преступника, Советский Суд, имея в виду основную цель нашей уголовной политики— социальное перевоспитание преступника для приспособления его к жизни коллектива,— должен поставить перед собой вытекающую отсюда практическую задачу: всестороннее изучение преступника— в особенности из рабочих и крестьян— и окружающей его социальной среды, с одновременным учетом его индивидуальных свойств.

Большое практическое значение приобретает здесь еще и то обстоятельство, что изучение, вообще, медицинских вопросов в пределах, необходимых в судебной практике, приведет к «раскрепощению» судебного работника, давая ему реальную возможность свободно разбираться в вопросах экспертизы и независимо оценивать выводы, предлагаемые экспертами Суду.

Намечаемые методы занятий Криминологического Кабинета должны исключать всякую отвлеченность. Кабинет будет иметь лишь практические цели и будет идти к ним научно-практическими путями.

Основной формой работы Кабинета явятся кружки (семинарии), занятия в которых будут организованы по лабораторному методу с неизменным участием всех членов кружка в проработке поставленных кружком задач. В первую очередь предполагается открыть пять кружков с числом участников до пятнадцати человек в каждом (кружок уголовной психологии, уголовной психопатологии, преступности несовершеннолетних, сексуальной преступности и судебно-медицинской с гинекологией).

Руководство научною работою отдельных кружков и всего Кабинета будет находиться в ведении испытанных научных сил, которыми, кроме того, будут устраиваться краткие целевые занятия и отдельные лекции также и для лиц, вообще интересующихся работою Кабинета.

Кабинет обзаводится особым инструментарием, таблицами и моделями специального характера и устраивает собственную небольшую библиотеку.

Такова, в кратких чертах, организация нового учреждения при Ленинградском Губсуде. Надо надеяться, что его работа даст ожидаемые результаты.

О. Д.

Из воспоминаний.

Шесть лет в Советском Суде.

Начал я работать в органах Советской Юстиции в конце 1918 года, когда, после возвращения с Румынского фронта и демобилизации из царской армии, вступил добровольцем в формирувавшиеся тогда в Ленинграде покойным тов. С. Восковым части 7-й армии. Почти одновременно с организацией штаба этой армии был создан ее Революционный Военный Трибунал, куда я и был назначен военным следователем и в котором проработал до расформирования армии. Время было горячее, и работы для Трибунала хватало с излишком. Гражданская война кипела, разрасталась с каждым днем; враги наступали со всех сторон, и боевые действия развертывались поблизости от Красного Питера; в тылу и в самой армии белогвардейщина всех

мастей поднимала голову, организовывалась, создавала десятки заговоров и попыток уничтожить ненавистную ей власть рабочих и крестьян; международная буржуазия протягивала лапы через многочисленных своих шпионов и разведчиков; наши красноармейские части были наспех сколочены и брошены на фронт в линию боя; плохо обученные, малодисциплинированные, полураздетые и скверноснабжавшиеся. Они к тому же имели командный состав из бывшего офицерства со значительным процентом среди них активных белогвардейцев, искавших лишь случая и ловивших каждый удобный момент, чтобы внести дезорганизацию и разрушить, уничтожить создаваемую пролетариатом грозную для врагов Рабоче-Крестьянской страны Красную

Армию. Такова была, приблизительно, обстановка, в которой тогда работал Трибунал.

Булак-Балахович, отряды Данилова и Ливева, белозстонцы вели наступление со стороны Нарвы и Пскова; белофины и соединенные регулярные отряды западно-европейских государств (англичане, французы и др.) угрожали на севере со стороны Мурмана и Финляндии; банды дезертиров, «зеленые» — в уездах Псковской и Новгородской губерний заставляли и туда отвлекать внимание и силы. Потом всем памятные наступления Юденича — первое весной 1919 года и второе — в октябре, ноябре того же года. В таких условиях и судебная работа Трибунала носила боевой характер; в начале, если память мне не изменяет, почти до половины 1919 года приходилось работать без каких-бы то ни было положений или руководящих указаний выше стоящих Трибуналов фронта и Республики и в самом пылу работы создавать необходимые формы, вырабатывать приемы и методы. Вспоминаются отдельные, яркие, характерные дела того времени, по которым приходилось проводить предварительное следствие или участвовать в судебном разбирательстве. Дело о восстании в N-ском артиллерийском дивизионе. Февраль 1919 года; дивизион, стоявший в Ленинграде и здесь формировавшийся, получает приказ выступить на фронт; в его составе, как оказалось впоследствии, имела организация эсеров, которая и воспользовалась моментом для открытого выступления. Под предлогом требования выдачи теплого обмундирования (в это время стояли довольно сильные морозы) эсеры сумели увлечь за собою массу. Дивизион отказался ехать на фронт, был разгромлен оружейный цейхгауз, захвачены орудия, и только быстро подоспевшие курсанты ликвидировали начинавшееся выступление. Следствие скоро выяснило всех активных эсеров, и они понесли по заслугам. Недели через две после этого уже на фронте дивизион зарекомендовал себя в боях, как одна из крепких и стойких красноармейских частей.

Второе дело этого же периода — бронепоезд N; ему дали в армии меткую кличку «бродячий бронепоезд». Дело в том, что его командир, да и весь состав не признавал ни приказаний штаба армии, ни распоряжений своего непосредственного командования; поезд блуждал почти по всему армейскому району, конечно, по рельсовым путям и вдали от боевой линии, практиковал широко самоснабжение из армейских складов и магазинов, наводил страх и сеял панику в тылу. В конце концов, командир его объявил себя и весь свой состав анархистами и отказался вступать в какие-бы то

ни было сношения с советским военным командованием и властями. Были приняты решительные меры, и поезд был разоружен на ст. Псков. Хотя командир и угрожал разнести его из своих орудий. Конечно, эти угрозы оказались лишь словесными, ибо все разоружение и арест состава бронепоезда были проделаны комендантом станции, следователем и ничтожным по численности отрядом специального назначения.

Октябрьское наступление Юденича, отступление и разложение частей армии, панический страх перед танками, дезертирство и героическая борьба на подступах Ленинграда. Тяжелая, упорная, непрерывная работа всего организационного аппарата армии. Бессонные ночи, голодный паек и леденящий холод. Вспоминаю, как в эти как-раз ноябрьские дни, когда уже Юденич был сбит и шли бои под Гатчиной, наш армейский Трибунал стоял в Ленинграде в одном из особняков по улице Гоголя. Зима выдалась суровая, и морозы доходили до 20-ти и ниже градусов; расположился Трибунал в двух квартирах с огромными комнатами и без полена дров. В помещении температура была почти такая же, как на улице: было так холодно, что чернила замерзали, и приходилось писать карандашами или разбавлять чернила кипятком. В такие дни в заседаниях отмораживали пальцы на руках те из товарищей, которым приходилось писать протокол или приговор. Но работа кипела и днем, и ночью. Был тяжелый никогда не забываемый момент, когда в самом штабе армии, в его руководящей верхушке, в «мозгу», направляющем все действия красных бойцов за город Революции, по счастливой случайности был обнаружен заговор и накрыта и ликвидирована хорошо организованная шайка махровых белогвардейцев во главе с бывшим начальником штаба, царским полковником ген. штаба Люндквистом. Из одного только перечисления входивших в состав этой шайки — начальника штаба, начальника связи армии, начальника всего армейского транспорта и других не менее ответственных работников, возглавлявших самые ответственные и жизненные части армии, — можно видеть, как велика была опасность и как трудна была борьба. В Трибунале была только небольшая часть этого дела о заговоре Люндквиста: дело о N-ском мино-подрывном дивизионе; это как раз та самая часть, которая по плану заговорщиков была предназначена для захвата всего штаба. Нужно признать, что подготовка была не плохая: вся часть сплошь была сформирована из бывших офицеров и дворян; между прочим, конюхом в этом дивизионе был один из бывших князей Шаховских, телефонистом —

капитан, а рядовыми—офицеры в чине не ниже поручика. Комиссаром части был также офицер, проникший в партию под вымышленной фамилией и по подложным документам. Самое интересное во всем этом деле было то, что этот дивизион, стоявший в трех верстах от штаба армии (штаб был расположен в Детском Селе, а дивизион—в Павловске), официально в списках частей армии не значился и о его существовании знал только начальник штаба Люндквист, глава заговора, нередко навещавший пешком дивизион и там проверявший его готовность выполнить задание. Это было одно из самых трудных и интересных дел.

Юденич разгромлен, жалкие остатки его банд в виде бесконечной вереницы перебежчиков заполнили все этапные и специальные пункты 7-й армии, началась проверка, сертировка и выявление опасного элемента, а затем ликвидация последствий неудавшегося налета.

В памяти встает еще одна фигура из бело-бандитов. «Палач города Гдова и Нарвы», как он сам себя гордо именовал и на следствии, и в Трибунале, Михайлов. Здоровенный детина, ростом косяк сажень, обладавший исключительной физической силой—в поезде, когда его везли из Пскова в Гатчину, где стоял армейский Трибунал, он пытался бежать, в купе расшвырял пятерых конвоиров, и только шестому удалось с ним справиться. Бывший красный курсант и кандидат партии, крестьянин Гдовского уезда, он попал в плен к Булак-Балаховичу и, спасая свою шкуру, выдал сначала нескольких партийцев, которых знал, а потом, таким путем заслужив доверие, вызвался добровольно на гнусную работу палача.

В Пскове, Гдове и Нарве во время господства там банды «батьки» Булак-Балаховича, Михайлов собственноручно повесил несколько десятков красноармейцев и рабочих. В Трибунале во время Суда Михайлов все время вертел

в руках программу партии и только после приговора к расстрелу швырнул ее на стол в состав Трибунала, крикнув: «теперь она мне не нужна». Еще характерная деталь: свидетелем, дававшим самые убийственные показания против Михайлова, выступал его отец, старик-крестьянин, с первого же слова решительно заявивший, что этого на скамье подсудимых своим сыном он не может называть.

Далее—ликвидация фронтов, расформирование армии, переход к мирному строительству и к организационной работе.

Режим диссонансом и последним отзвуком гражданской войны врывается Кронштадтское восстание. Снова всплывает вся гнусность международной буржуазии и ее отечественных преступников, золотопогонных белогвардейцев. Бывший генерал Козловский, бывший капитан Бурксер и еще много других бывших; а на ряду с ними несознательная, темная, обманутая масса. Опять большая ответственная и трудная работа в полевых Трибуналах. Прошел и этот непродолжительный период, и началась организационная созидательная работа. «Нэп» и его гримасы; первые хозяйственные процессы. Кодификация революционного пролетарского права; отбор и выработка нужных работников, начало судебной реформы. Создание Губернского Суда и новые формы и отрасли судебной работы. Гражданский Кодекс, имущественные споры; создается новый фронт для судебного работника. Здесь в этой области, во внешности столь далекой от всякой контр-революции и белогвардейщины, нередко приходится встречать старых знакомых по боевой Трибунальской работе—тех же агентов и прислужников буржуазии, теперь уже тихой сапой ведущих свою привычную работу разрушения и подрыва созданного в результате тяжелой борьбы государства трудящихся и завоеваний Великого Октября.

Член Суда А. Кирзнер.

Э т а п ы.

(Из воспоминаний судебного работника).

Февраль 1918 года—тяжелые дни переживала молодая Республика Советов... Темная, глухая, зимняя ночь... Резкие тревожные гудки фабрик и заводов прорезают ночную тишину, призывая Питерских рабочих в свои стены, чтобы известить о надвигающейся смертельной угрозе...

Псков, Двинск заняты немецкими войсками. Колябели пролетарской революции угрожают опасность. Встрепенутый рабочий люд, изнемо-

гающий от мук голода, спешит на фабрики и заводы, чтобы узнать эти вести...

Решено, все как один,—дать отпор врагу или умереть...

Врежлет рассвет, освещая наскоро собирающиеся один за другим отряды из рабочих районов...—в ногу к Смольному... Получив указания, обмундирование, винтовку за плечо—на вокзал в эшелоны... Навстречу наступающему врагу.

С отрядом Путиловских рабочих на бронированном поезде зенитных батарей мы, не доезжая до станции Торошино (в 20 верстах от Искова,—занятого немцами), останавливаемся. Дальше ехать нельзя—мост подорван нашими отступающими войсками. Утром нас навещают немецкие аэропланы, кружась, высматривают наше расположение, с желанием послать нам сверху нежеланный подарок—бомбу.

Люди отряда бросаются к орудиям:—слышится один за другим выстрелы, и враг, получив должный отпор, исчезает... Победа осталась за нами; как дети, радуемся этому...

Вечером часов в 8-9 наша разведка из «Волчьей Сотни» приводит трех пленных—двух русских милиционеров и немца-лейтенанта, захваченных в деревне за реквизицией у крестьян денег, ценных бумаг, выигрышного займа,—взамен давали квитанции.

Встает вопрос, судить или исполнить требование задержавших:—немедленно расстрелять без суда. Пришли к заключению, что нужно судить. Но как? Опыта нет, писанных законов тоже. Мы сами только что пришли от станка, а здесь необходимо решить судьбу трех человек, занимавшихся грабежом крестьянства. Пролетарское чутье подсказывает, что с такими явлениями «миндальничать» нельзя, Суд должен быть суров. Решаем организовать Полевой Суд из трех человек. Обязанности секретаря выполняет один из состава Суда. Судебное заседание в вагоне. Приводят виновных. Слушаем показания подсудимых. Немецкий лейтенант, в военной форме 347 линейного полка, на своем языке объясняет, что он послан своим командованием для реквизиции ценностей—золота, ценных бумаг,—по селениям у крестьян. На вопрос, чем объяснить их вторжение на русскую территорию, пленный показывает, что они хотели избавить русский народ от ненавистных большевиков и водворить порядок.

Невольно задаем вопрос. Как сопоставить реквизицию ценностей у населения и освобождение от ига большевиков? Ответа нет.

Кончаем допрос и посылаем телеграмму в Питер:—как с ним поступить?

Следует допрос еще двух задержанных. Выясняется, что оба—бывшие полицейские; по их указаниям отбирались ценности, нужные немецкому командованию. Они рады послужить «избавителям».

Процедура допроса, затянувшаяся на всю ночь, окончена. Все занесено в протокол. Обвиняемые выводятся из «залы» Суда.

Суд сөвещается и выносит приговор: виновные в насильственном отобрании ценностей у трудового крестьянства подлежат расстрелу.

В момент объявления приговора получаем телеграмму с распоряжением о направлении пленного лейтенанта в Питер в Наркоминдел.

Двое полицейских получили должное—утром были расстреляны.

Осенью 1918 года. Советская Республика в тесном кольце белогвардейских свор. Контр-революция, с помощью международной буржуазии, ведет наступление отовсюду—с юга, юго-запада, запада, севера, востока. Внутри страны заговоры, восстания и убийства вождей рабочего класса. Рабоче-Крестьянская власть, при помощи скоро сформированных отрядов Красной Армии, отражает удары врага, но, под напором численно и технически превосходящих белогвардейских банд, красные отряды вынужденно отступают. Кольцо вражеских сил все туже и туже стягивается вокруг Республики Советов.

Эта обстановка застаёт нас на северном фронте: Вологда-Архангельск.

Красная Армия северного фронта насчитывает всего 2-3 тысячи человек. Только что начинается организация аппарата Армии.

В тылу остались еще окончательно не ликвидированные белогвардейские организации (полк. Кураченко, Ушаков, Мишин и др.), имевшие непосредственную связь с союзными посольствами, пользовавшиеся их материальной поддержкой.

Представители английской миссии Гилезби, Комбрен и Манжо пытались подготовить захват Вологды путем организации офицерских ячеек в ее окрестностях,—Череповце, Галиче, Чебсаре, Бипелово, Молочное и на др. участках жел. дор. станций.

Враг рассчитывал, что, с захватом Вологды, Советская Власть лишится последнего опорного пункта, откуда она могла-бы черпать материальные ресурсы. Поэтому контр-революция здесь и сосредоточила свои силы исключительно из офицерства бывших гвардейских полков. Такое положение диктовало необходимость неустанной бдительности всех организаций Советской Власти, и в первую очередь ее карательных органов в лице контрольных пунктов (впоследствии особых отделов) и Военно-Полевого Трибунала 6-й армии.

В то время не было ни положений, ни инструкций, которые-бы определяли права и обязанности Военных Трибуналов. Приговоры выносились на основе социалистического правосознания и революционной совести.

Все внимание сосредоточивается на военных действиях, на интересах классовой войны. Для того, чтобы сломить упорство врага, необходимы были смелость, решительность и беззаветная храбрость бойцов Красной Армии. Борьба затрелась не на живот, а на смерть, из этого вы-

текала необходимость заставить всех и каждого подтянуться, трусов и шкурников исполнить свой долг перед трудящимися Советской России. В такой обстановке были созданы Верховные Революционные Трибуналы, как средство сурового воздействия и подтягивания всех тех, кто не желал подчиниться закону гражданской войны.

Обеспечение успеха в борьбе с врагами требовало величайшей преданности делу, твердости и устойчивости войсковых частей Красной Армии как на фронте, так и в тылу. Исходя из этого, деятельность карательных органов была направлена, с одной стороны, на ликвидацию контрреволюционных организаций, и с другой—на борьбу со всякого рода преступлениями, пагубно влиявшими на настроение еще не окрепших частей. Эти условия исключали всякую медлительность и нерешительность—требовали быстроты действий со стороны органов Советской власти, ее руководителей военного командования и, в том числе, карательных органов.

Май 1919 года. Движение зеленых банд приняло широкие размеры, они грабят Советские учреждения, убивают отдельных представителей Советской власти, захватывают железнодорожные пути. Прервана связь фронта с центром. На борьбу против зеленых с боевых участков фронта снимаются части Красной Армии. Пущены в ход артиллерия и аэропланы... И банды разбиты и захвачены в плен. Производится допрос. Бывший офицер, сын б. помещика, торговец, кулак, сын попа—таков руководящий состав зеленых.

По постановлению Суда они, как враги рабочего класса, уничтожены.

Начало 1920 года. Северный фронт окончательно ликвидирован.

Перед Советской властью встает новый грозный фронт—борьба с разрухой железно-дорожного транспорта. Главный нерв народного хо-

зяйства—железные дороги—почти парализованы... вот, вот замрет...

Раздается призыв РКП (б) и Советской власти:—«все на транспорт!».

Часть работников снимается с фронта и перебрасывается на совершенно новую для многих из них работу.

В процессе практической работы приходится знакомиться с элементарными понятиями железно-дорожного хозяйства.

Катастрофическое положение железно-дорожного транспорта становится очевидным для всей страны. Саботаж, трудовое дезертирство, нарушение служебной дисциплины, преступная халатность, с другой стороны—развившиеся хищения и грабежи перевозимых грузов окончательно подрывают транспорт. Борьба с этими явлениями с неизбежной необходимостью встает перед Рабоче-Крестьянским Правительством. Создаются чрезвычайные карательные органы—Военно-Транспортные Трибуналы.

Военно-Транспортные Трибуналы были призваны для борьбы со всеми проявлениями преступности на транспорте, и свои удары направляли туда, где особенно чувствовалась в этом необходимость, проводя на протяжении всей своей работы четкую классовую линию:—особенно осторожно относясь к тем трудящимся, кто по своей несознательности и невежеству впал в преступление, беспощадно расправляясь с теми, кто сознательно и в интересах капитала вредил делу революции.

Почти в течение 2½ лет Военно-Транспортные Трибуналы не имели уголовных законоположений, руководствуясь в своей судебной работе социалистическим правосознанием и революционной совестью, и лишь в июле 1922 года мы вошли в полосу революционной законности.

Председатель Воен. Трибунала ЛВО А. Миничев.

Народный Суд для Нарзаседателя—школа Советского права.

Из 5-летней практики.

В судебные работники я попала прямо от станка. До Октябрьской Революции я была работницей: с 1905 года на фабрике «Ремизная», а с 1912 г.—на фабрике «Скорход».

На долю Нарсуда в 1920 г., когда я была в первых числах января делегирована Райкомом партии на должность нарсудьи, выпадали по своей сущности лишь дела мелкого характера,—редко выходящие за пределы обывательского интереса. Дела же публично-правового характера разбирались не только в обыч-

ном составе нарсудьи с двумя заседателями, но бывали заседания с участием шести заседателей, которым в тот период времени предоставлялось по закону право избирать из своего состава председателя на судебное заседание. Когда нарзаседателям разъясняли эти права, они почти всегда высказывались за предоставление этих прав нарсудье. К посылавшимся нарсудьями вызовам нарзаседателей организации местного района—фабрики и заводы—относились пассивно и зачастую считали участие заседателя в суде

днем его прогула, вследствие чего не оплачивали им дни, проведенные в Суде. Это, в свою очередь, вызывало неявки заседателей в Суд. С этим непониманием основных гражданских обязанностей приходилось бороться вплоть до публикации в печати, и, благодаря Райкомам и органам РКБ, работа с нарзаседателями была налажена.

Трудно было работать, чтобы не совершать ошибок при определении наказания в приговорах, в то время, когда не существовало норм закона, не было судейской подготовки и хотя бы достаточной практики, приходилось руководствоваться только своим социалистическим правосознанием и революционной совестью. С небольшим, кратким опытом, которым поделилась со мною моя предшественница—нарсудья т. Андреева, я, разобрав с т. Андреевой несколько дел в течение двух дней, приняла от нее камеру Нарсуда 1-го отделения Московско-Заставского района и начала работу в органах Советской Юстиции.

Работа в Нарсуде в те времена не ограничивалась разбором дел. Приходилось самой вести работу по канцелярии, а в остальное время подучиваться—следить за законами, изучать положение о Нарсуде.

Пришлось принять участие в борьбе с «прогулами» нарзаседателей, и скоро удалось эти неявки изжить. В этом отношении много помог закон—ст. 104 УК.

Не менее сложна была и кассационная практика: приходилось решать исключительно по со-

вести; по делам Высшего Судебного Контроля указаний прямых не было. Не было возможности исправлять ошибки Нарсудов.

Тогда определения были кратки: «приговор отменить» или «утвердить». Теперь Кассационные инстанции имеют свое положение и могут в достаточной степени инструктировать Нарсуды, руководясь не только революционной совестью, но и твердо установленным законом.

Работая в Кассационной инстанции, приходится наблюдать улучшение работы народных судей, все большее исчезновение ошибок и исполнение указаний Кассинстанций.

Главным образом, выпрямляется карательная политика. Классовый подход выдерживается на все 100%.

Почти совершенно изжито уже Кассинстанцией многократное кассирование дела. Нарсуды настолько «исправились», что уже отошли в область преданий кассирования дела по 5-6 раз.

Значительно понизилось количество отмен приговоров, а это тоже говорит об улучшении знаний нарсудей.

Правда, до сих пор поступает в Кассинстанцию еще много дел: 600 в месяц, по 25 дел в день. Работать приходится кропотливо, следить не только за соблюдением закона, но и общей карательной политики.

Есть еще ряд недостатков в работе, но они всецело зависят от тех трудностей, что устанавливает УПК, и надо надеяться, что Комиссия по пересмотру Кодексов учтет голос мест и упростит работу Нарсудей.

Член Суда Е. Домбровская.

Как я работала в Суде.

Хочу поделиться своими воспоминаниями о своей прошедшей работе.

Я—бывшая работница фабрики „Скороход“, где я проработала 10 лет.

Вспыхнула революция, и рабочая масса выдвинула меня на ответственную работу нарсудьи.

Как сейчас помню, в 1919 году 1 мая была я делегирована в Совет Народных Судей, где меня принял Председатель т. Евтропов. Он сказал мне:

— Можешь судить справедливо?

— Я ему сказала, что я не юрист, а работница, не получившая никакого образования, не знаю, смогу ли я нести эту ответственную работу.

Тут же мне был вручен мандат нарсудьи, где было сказано: „принять Ка-

меру от нарсудьи т. Мотовкина“ и дано напутственное слово:

— Иди и работай честно.

Пришла в камеру Нарсуда 5-го отделения 1-го Городекого района, где был судья тов. Мотовкин, которого я должна была заместить: его брали на фронт.

Села я заседателем, разобрала пару дел, и тов. Мотовкин покинул камеру Суда—его срочно вызвали на фронт, а я должна была сесть и разбирать дела, уже не как нарзаседатель, а в качестве нарсудьи.

Вот моя большая практика, которую я прошла.

Выше названная камера была одна из наибольших в Ленинграде по ее террито-

риальной подсудности: в нее входили 9-11-14 отделения; кроме того, к этому же Отделению была причислена вся деревня Волково, ранее считавшаяся в районе Петроградского уезда; население этой местности—исключительно рабочее.

Дела были в тот момент—большую часть, пьянство, так как в данном районе был всем известный дом „Холмуши“; описывать его не приходится, каждый знает, что из себя представлял этот дом. Мне пришлось вести строгую борьбу с этим злом, дабы его искоренить. Приходилось работать с раннего утра и до позднего вечера. Помимо ударных дел (спиртоносов), приходилось разбирать крупного характера дела: убийства, налеты; дела эти разбирались с 6 заседателями. Нельзя не сказать, что трудно было работать в те времена, когда, с одной стороны, нужно было исполнять столь ответственную государственную работу, а с другой стороны—боевой фронт, где белогвардейские банды нападали на нашу молодую Коммунистическую Партию.

Мне, как работнице от станка, совершенно не имевшей понятия о суд-разборе, не мало приходилось совершать ошибок в смысле вынесения сурового наказания, но, благодаря предоставленному Нарсуду праву, суровость кары смягчалась осужденным по месту заключения за хорошую работу и об-

разцовое поведение, нередко осужденных освобождали, и не дожидаясь окончательного срока отбытия наказания. Больше всего освобождали, конечно, рабочих и крестьян, которые являлись не злостными преступниками и давали Суду свое честное слово служить в рядах наших борцов, защищая дело Революции, и, нужно сказать, они свои слова оправдывали.

Помню, как сейчас, по окончании повседневной работы была у нас еще заторопиться бежать на „субботники“—выгружать дрова, чтобы не замерзли находящиеся в наших интернатах наши дети и чтобы фабрики из-за топлива не останавливались.

Бывало,—вызываешь нарзаседателей в Суд на заседание с какого-либо предприятия или завода. Беседую с тем или другим до открытия судебного заседания, и говорю им о их обязанностях, о том, что они равноправные члены с нарсудей, и часто получала в ответ:

— А я думал, что меня послал Комитет за какой-нибудь проступок в виде наказания.

Вот с какими понятиями являлись заседатели в Нарсуд, но после надлежащих разъяснений уже понимали свои обязанности, что они присланы проводить идею рабочего класса, и честно выполняли их, принимая активное участие в вынесении приговоров.

Член Суда Е. Васильева.

Единый Народный Суд.

Воспоминания нашего судебного работника, это—история Советской Власти, история, как пролетариат осуществлял свою диктатуру через одну из своих форм—Суд.

Начало моей работы в органах Советской Юстиции совпало с опубликованием Декрета СНК от 30 ноября 1918 года «О едином Народном Суде».

Этот Декрет был результатом первого года побеждающей пролетарской революции.

На смену окончательно признанной негодной старой системе Судов с ее формами и нормами, их руководящими, был учрежден, на всей территории РСФСР Единый Народный Суд. Избранники в народные судьи безусловно и обязательно должны были удовлетворять требо-

ваниям Конституции РСФСР: иметь активное и пассивное избирательное право. Единый Народный Суд в своих постановлениях руководствовался своим социалистическим правосознанием, и ссылка на законы свергнутых правительств уже не допускалась.

Здесь, в Ленинграде (в то время Петроград), в этой цитадели пролетарской революции, товарищи почти без труда перестроились по новому: вместо Окружного Народного Суда избрали из своего состава Городекой Совет Народных Судей, и работа продолжалась.

Тяжело обстояло дело в губернии, в провинции. В уезде, где я работал, все ответственные судебные должности занимались лицами, ничего общего не имевшими с революцией и

безусловно не сторонниками Советской власти, примазавшимися к ней бывшими мировыми судьями, земскими начальниками и т. п.

Партией я был снят с другой ответственной работы и послан провести реорганизацию Суда в нашем Гдовском уезде на началах вышеупомянутого Декрета от 30 ноября.

Согласно предписанию Юридического Отдела Губисполкома мне надлежало ликвидировать уездный мировой С'езд, произвести перевыборы судей и явиться со всеми вновь избранными на Губернский С'езд для выборов Президиума Совета Народных Судей.

Тяжелая задача была—ликвидировать это бывшее помещичье гнездо. Партия много в то время дать не могла, крестьянство нас еще не понимало, истерзанное империалистической войной и натравленное белогвардейщиной. С большим трудом из этой массы спецов, выбрав наиболее терпимый для нас элемент, дополнив двумя-тремя крестьянами, провели выборы судей в Гдовском уезде.

И вот, с таким багажем я явился в Петроград на выборы Президиума Губсовнарсуда.

Не отраднее и не лучше было положение и в остальных уездах: всюду там были народными судьями в большинстве бывшие земские начальники, помещики и др., и немного лучше обстояло дело в уездах, соприкасающихся с Петроградом, где было больше пролетарского рабочего населения.

Коммунистическая фракция первого губернского С'езда Народных Судей Ленинградской губернии состояла не более, как из 15--20 человек, и то на половину, если не ошибаюсь, даже не кандидатов, а сочувствующих.

Работой С'езда руководил Председатель городского с'езда народных судей т. Шукст, ведущим Юридическим Отделом Губисполкома был т. Мишель.

В Президиум Совета Народных Судей было избрано 5 человек, из них один беспартийный. Трудно, конечно, себе представить, чтобы эта беспартийная масса в 40-50 человек при выборах Президиума руководствовалась симпатиями к большевикам.

Вот с каким составом Суда на местах пер-

вому Президиуму пришлось начать работу, и первой задачей его, вне сомнения, было, во что бы то ни стало, заменить этот негодный и ненужный нам элемент. С этой целью мы разъехались по местам, и ко второму С'езду нам уже удалось добиться некоторых успехов, но пока еще незначительных.

Тяжелое материальное и политическое положение Советской Власти безусловно имело свое отражение на работе нашего Президиума. Понятно, что в период классовой, гражданской войны, когда пролетариат вынужден был с оружием в руках в ожесточенной схватке с контрреволюцией защищать свою молодую Советскую Республику, пролетарский Суд в то время был органом расправы с классовыми врагами (Ревтрибуналы и ЧК), и только в незначительной степени Уголовно-Гражданским Судом. И мы делали нашу кропотливую повседневную работу и старались сохранить в своей основе Единый Народный Суд.

В настоящее время Единый Народный Суд уже не тот.

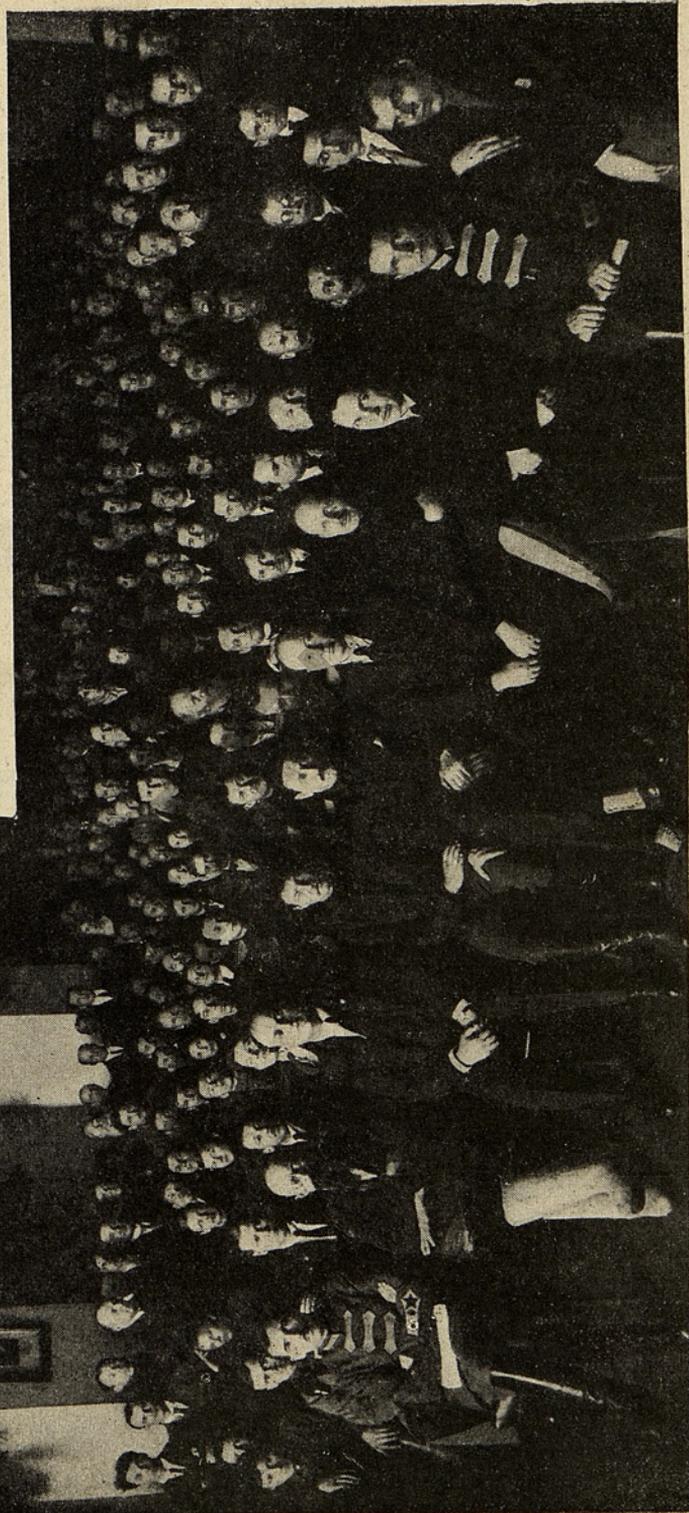
Вышедшее победителем из гражданской войны, обеспечив границы свои от неожиданных нападений еще не совсем и не везде побежденного капитала, Пролетарское Государство занялось устройством своей внутренней жизни. Новая экономическая политика потребовала восстановления, хотя и с изменением, твердых норм, регулирующих область обязательств, развивающегося оборота и известных гарантий личности. Появилось требование на революционную законность. Советская Власть обратила свое лицо в нашу сторону.

На основе Единого Народного Суда, на этом сохраненном за время гражданской войны, фундаменте,—воздвигнута единая система судебных учреждений Республики.

Одно из первых мест в этой системе занял Губернский Суд Ленинграда. Много в этом помогли нам наши партийные и советские органы и много потрудились и руководители самого Губернского Суда. Результат этого упорного большого труда, вложенного товарищами, налицо.

Пом. Губ. Прокурора Н. Каблуков.

**Советский Суд претворяет
в жизнь заветы Ленина.**

Вверху: Президиум V Губернского Съезда. Сидят: т. Крастин, Нахимсон, Бранденбургский (Представитель Наркомюста), Розенберг и Озолин. Стоят: т. Жилкин и Нелюбин.

V Съезд работников Советской Юстиции (1924 г.). Президиум, члены Съезда и присутствовавшие на открытии Съезда почетные гости. Первый ряд: Губпрокурор т. И. А. Крастин, Нарсудья т. Р. А. Шиффер, Председатель Губсуда т. Ф. М. Нахимсон, представитель Губкома т. Куклин, представитель Губисполкома т. Кондрагьев, представитель ППУ т. Кауль, б. Губпрокурор т. Розенберг, Зампред Губсуда т. Озолин, Председ. Воен. Трибунала Л. В. О. т. Миничев, Зампред. Губсуда т. Беляков.

С176Гу

Мои итоги за три года судебной работы.

На судебную работу я перешел прямо с военной службы, где я пробыл до своей демобилизации в 1921 году. До военной службы я работал в портновских мастерских.

В 1922 году я был командирован Райкомом в Совнарсуд. Он меня направил на работу в качестве добавочного нар-судьи-практиканта при Дежурной Камере Совнарсуда. Проработал я там три дня Заседателем, а на 4-й день Председательствующий Суда говорит:

„На другой день будешь ты председателем“.

И вот наступил момент разбора дела под моим председательством. Никогда не был я юристом, а только обыкновенным рабочим. Но сразу вошел в свою колею. В первый день разобрал 35 уголовных дел.

Так проработал я два месяца. После этого был назначен добавочным судьей при означенной камере, и я организовал Добавочную Камеру. Проработал я там около месяца, и был назначен основным судьей Дежурной Камеры.

Из нее был переброшен в Кассколлегию по уголовным делам Совнарсуда в качестве судьи-докладчика. Выезжал с членом Совнарсуда в гор. Гдов для разбора кассационных дел.

В начале 1923 года был направлен добавочным судьей при 1-м Добавочном Отделении 1-го Городского района, потом был переброшен на временные работы, заменял Нарсудей во время отпуска, и так продолжалось до октября. В октябре 1923 года был назначен добавочным Нарсудьей во 2-е Отделение Петрограда, в декабре принял означенную камеру, и в ней работаю по настоящее время.

Из своей практики могу сказать, что, когда мне приходилось разбирать дела в Дежурной камере, большинство обвиняемых были у меня подростки. Прибыли они сюда из голодных мест, и преступления они совершали самые ничтожные, вроде кражи $\frac{1}{2}$ фун. колбасы или куска хлеба. Наказывать их было излишним и бесцельным, а помочь им исправиться у меня не было возможности — средство одно: направить их куда-либо на работу. Только благодаря товарищам Нарзаседа-

телям удавалось это иногда: сообщая мы писали записки в Коллективы РКП в те места, где Нарзаседатели работали, чтобы поставили этих несчастных на работу. Правда, удавалось нам выполнить из 100% не больше 25%, но и это было хорошо.

Приходилось мне также обследовать ночлежные дома и развалины домов в городе и в ближайших окрестностях, где ютится бездомная беднота, без имени, без крова, без куска хлеба. Вот тут-то истинный очаг заразы,—и физической, и нравственной. Здесь начинается большая часть преступлений, ежедневно наполняющих камеры Судов.

И вот при разборе дел таких „преступников“ нам, пролетарским судьям, приходится глубоко вникать в их душу и не осуждать их, а тут-же протягивать им руку помощи.

Точно также и осужденные и отбывшие наказание за преступление, главным образом, за кражу, приходили ко мне и просили работы, не желая в дальнейшем совершать преступления. Что было делать с ними? Я их направлял в Губпрофсовет к тов. Моисееву, который лично меня в глаза никогда не видал, но мою просьбу, как сам пролетарий, чувствовал и мне помогал: несколько человек были направлены на работы, и имеются сведения, что они работают честно.

В 1923 и в 1924 г.г. Нарсуды были завалены делами о нанесении оскорблений—по 172 ст. УК. Я в своей камере при слушании этих дел нашел метод, как с ними справиться. Метод мой оказался довольно успешным. Довольно сказать, что по имеющейся статистике за 1924 год во вверенном мне отделении находилось в производстве до 700 дел по ст. 172 из общего числа 3000 уголовных дел, а за 1925 год, т.-е. в настоящее время в производстве у меня имеется всего 5 таких дел.

Метод очень простой. Советский судья должен быть не формалистом, а агитатором, должен указать сторонам, что преступления по означенным делам должны изживаться внутри каждой семьи и в общественной организации. Уменьшалось количество дел именно в результате этой „агитации“—граждане поняли,

что Суд не является карательной остроткой или пугалом, а культурно-просветительный орган власти. Большинство дел закончено примирением сторон, и лишь в крайних случаях формально приходилось выносить общественное порицание.

Этот метод и помог разгрузить камеру у многих дел по 172 ст.

Такое отношение Суда к населению невольно содействовало сближению и сделало Нарсуд на много выше.

Точно также дела о мелких кражах. Они увеличиваются в зависимости от времени года, а также и от хозяйственной экономики. Летом и весной, когда работы по городу много,—краж меньше, а к зиме они увеличиваются. Для Суда положение затруднительно еще в другом отношении,—большинство обвиняемых, пролетарии, совершают преступление, чтобы получить место на „зимней квар-

тире“—в камере Исправдома, и они не скрывают этого. Это тяжелое явление ставит Суд втупик, и порой не знаешь, как поступить.

В эту сторону я пытался принять некоторые меры: вместе с представителями Губоткомхоза и представителями печати осмотрели мы ночлежные дома. Из 4-х ночлежных домов оказался в порядке один — женский. Остальные все—ниже критики: скученность, грязь. Организация и школа воров. На это должны обратить внимание пролетарские судьи и своим личным посещением агитировать. Нужно добиться, чтобы Суд содействовал улучшению положения ночлежек—это путь к уменьшению краж. Губисполком должен учитывать голос судей при рассмотрении этих вопросов. Никому другому, как Нарсудье, лучше не известно положение этого вопроса.

Нарсудья И. Брысков.

К 8-му году.

(Из личных воспоминаний за 7 лет работы).

Истекшие годы, связанные с голодом, с рядом тяжелых переживаний, ныне, при установлении нормальной жизни, кажутся не годами, а десятками тяжелых лет, полных различного рода переживаний, страданий, но, вместе с тем, и полных громадным количеством бодрого духа, энергии и светлых надежд на грядущее будущее.

Легко теперь, когда окрепли до некоторой степени устои нашей жизни, сесть и подумать о прошлом, о голодных днях, о тяжелых условиях работы, когда для блага революции, для блага всего трудящегося народа забывали обо всем. А вспомнить есть о чем!

Разве может кто-нибудь сказать, что ныне тяжело работать, — когда органы дознания, хотя и не стоящие вполне на высоте своего положения, оказывают всетаки значительную помощь в работе, когда есть законодательство, когда есть норма, определяющая дозволенные действия, когда есть раз навсегда установленные судебные инстанции, когда не существует спорных вопросов, что делать с тем или иным делом, когда

судьи и следователи настолько понаторели в своей работе, что серьезных, грубых ошибок в ней не найти?

Припоминается, как в далекие ушедшие годы работали мы в существовавшей до 1920 года Центральной Уголовной Следственной Комиссии.

Темное, грязное помещение на той же Фонтанке, 16, в 3 этаже, по соседству с огромной арестантской камерой Угрозыска, куда ежедневно набивалось свыше сотни человек, сплоченных в одной громадной камере... Теперь это—светлый, недавно отремонтированный, зал судебных заседаний... Туда стекались привлекаемые по разнообразным преступлениям; для некоторых из них теперь и статьи УК не подобрать.

Там были и налетчики, и убийцы, и воры, и „спекулянты“, и взяточники, и многие другие.

А взяточники? Это не такие взяточники, каких понимает наша 114 статья. Так именовались и недолжностные лица, коих теперь просто называют мошенниками. Раз за что-то получил, значит:—

взятка. Просто понимали, но по тому времени целесообразно и правильно.

В борьбе не нужно названий, а борьба со всякого рода преступниками была суровая. 10-11 следователей Центр. Уг. Следствен. Комиссии, занятые каждый своим делом, были частицами всей Следственной Комиссии, ибо ни один из них не был в своих действиях самостоятельным, а работал под строжайшим контролем Коллегии, участвуя активно не только в своих делах, но и в делах других следователей. Многие дела велись коллегиально, всеми вместе и каждым понемногу. Вместе на обыски ездили, на аресты, сообща обсуждали каждое дело, уча друг-друга и друг у друга приобретая знания, но знания чисто формальные, ибо вопрос о том, предать ли кого-либо Суду или не предать, не требовал науки, а к этому нужен был исключительно один революционно-классовый подход. Разношерстные были тогда следователи по взглядам и мыслям, но не за страх, а за совесть работали и чутко понимали, кого и как преследовать можно и должно. Голодные, до конца 1919 года без пайков, следователи работали без всякого ограничения времени, с любовью относясь к делу; дежурили круглые сутки по разу в неделю. После бессонной ночи (после 12 часов ночи, когда погасало электричество, при „коптилке“, а то и при лучине) за непрерывной работой, на другой день без всякой усталости продолжали работать, поддерживая свое существование чаем без сахара и знаменитой в то время воблой...

Следователи не только следствие вели, не только печи топили старыми шкафами и столами (как бы они теперьгодились, но где же было тогда взять дрова!), но и в общественно-трудовых работах принимали деятельное участие, разгружая баржи с дровами и устраивая „воскресники“ по уборке здания. Старые наши работники, вероятно, помнят еще, как весело после окончания работ вытирали потолок Следкомиссии и следователи, и канцелярские сотрудницы с белыми платочками на головах... Не боялись, не гнушались работы, а искали ее: сами зачастую были и агенты розыска, сами—канцеляристы, сами—следователи, ярые участники повальных обысков в городе, всё сами... И, в твердом

сознании честно исполняемой работы, бодро шли вперед.

Прохлопывали много, отчасти по незнанию, по неумению, но тогда не сердились, не насмехались, а исправляли ошибки и друг-друга учили.

Теперь, конечно, смешно вспомнить первые наши шаги—следовательские и судейские.

Припоминаю два курьезных случая:

1) Б. обвинялась в краже курицы у Ш., но виновной себя не признавала и говорила, что курица к ней забрела. Ш. заявила Суду, что курица—деревенская, и если бы забрела, то вернулась бы домой. Суд постановил дело расследовать и произвести экспертизу, дабы установить, была ли курица городская или деревенская...

2) Следователь предает гр-на Г. Суду за кражу борова и, желая, вероятно, доказать, что этой кражей он обогатился, пишет, что в краже борова Г. участвует потому, что на Пасху ел курицу и по городу ходил с козой...

Таких курьезов было много, всех не упомнишь, но они скоро изживались, с изменением условий работы и самих работников,

Одна реорганизация, другая и, наконец, третья,—и нет Следкомиссий. Нарследы по важнейшим делам, участковые нарследы, новая форма работы, новые правила и положения, и работа стала сильно подвигаться вперед. Все еще не ясна была подсудность, не было теперешней 108 ст. УПК, и дела велись всякие (признаться, иногда и гражданского характера) и всячески направлялись: послабее—в Суд, а посерьезней—в Губ. ЧК.

Ныне, просматривая некоторые свои заметки, вижу, как много серьезных дел пришлось провести в то время: здесь и налеты, и убийства, шайки фальшивомонетчиков и проч. Цифры проведенных дел исчисляются многими, многими сотнями, а число обвиняемых и свидетелей не поддается и учету. Все разные типы, частью оригинальные, редко встречающиеся, и, наряду с ними, и простые люди с открытой и простой душой. Сотни житейских драм, трагедий, но не мало и комедий.

А жизнь идет вперед, меняются условия жизни, а с ними и нравы, и виды преступлений, и участники их. И тогда, на смену „свободного творчества“ в де-

лах, выявляется УК и УПК со своими твердыми, определенными статьями, а с ними и новые приемы работы, новый подход к делам, новый способ квалификации преступлений и много еще нового, вызывающего потребность в ряде еще многих новшеств в нашей тяжелой, но интересной следственной работе. Но чисто пролетарский подход к делу все более и более усиливается, прибли-

жая работу Суда к рабочим и крестьянским массам.

Растет пролетарский Суд, крепнет правосознание судебно-следственного работника, крепнет в массах уважение и любовь к Народному Суду.

Пройдут еще немногие годы, усилятся знания наших работников, и знамя Пролетарского Суда подымется еще выше.

Нарслед Д. Бродский.

Из воспоминаний судебного распорядителя.

(Беседа.)

При Уголовно-Кассационной Коллегии работает один из самых старых работников Советской Юстиции — судебный распорядитель Александр Фернарович Юревич.

Тов. Юревич работает в органах Советской Юстиции столько же времени, сколько они существуют, — с первого дня их основания. Все-же работе тов. Юревича в судебных органах скоро исполнится 40 лет (с 1887 года).

Начал свою скромную службу тов. Юревич в Советском Суде курьером, затем занял должность старшего курьера, а в 1919 году уже был заведывающим пересыльной частью Городского Трибунала. В 1919 году тов. Юревич был назначен судебным распорядителем того же Трибунала. На этих младших, но ответственных должностях тов. Юревич проработал до 1923 года, когда получил назначение на вышнюю должность судебного распорядителя Уголовно-Кассационной Коллегии.

Работа тов. Юревича протекала во всевозможных судебных учреждениях и, как мы видели, на самых различных должностях. Воспоминания его о работе, протекавшей в целом ряде крупных судебных учреждений, тесно связана с теми судьбами Советской Юстиции, которые она пережила за истекшие семь лет.

«Когда совершился Октябрьский переворот» — вспоминает тов. Юревич, — все мы, низшие служащие, думали, как нам быть: служить ли большевикам или нет? Идти ли с ними? Когда меня спросили, я, не задумываясь, сказал:

— Пойду.

Командировали меня в Трибунал, тогда еще Петроградский. Порядки на заседании мне не понравились. Публика вела себя непристойно: в зале все курили, и даже комендант, докладывая Суду, держал в зубах папиросу. Но когда мне стали говорить:

— Ничего не выйдет у вас с вашим Судом.

Я всем отвечал:

— Нет, выйдет.

«Я перешел в Совет Народных Судей на Фонтанку, 16, где сейчас помещается Губернский Суд. Меня назначили туда курьером.

— Пришлось мне однажды, — рассказывает тов. Юревич, — сидеть на большом деле. В публике я встретил знакомого, одного из тех шептунов, которые грозили мне, что провалимся мы с нашим Судом. Теперь он меня встретил уже иначе. Убедившись в судебном заседании, что неюристы умеют все-же хорошо вести дела, он очень был смущен, когда я напомнил ему слова, сказанные в самом начале образования нашего Суда.

— Уж больно хорошо дело ведут, — сказал мне мой знакомый.

Он, правда, продолжал что-то бурчать про то, что у нас законов нет, но я его успокоил, что все современем образуется».

Свои краткие воспоминания, данные на-лету в перерыве заседания, тов. Юревич закончил этим же богатым русским словом: «образуется», произнесенным с довольной, удовлетворенной улыбкой.

Улыбка эта лучше всяких пространств слов говорила, что тов. Юревич полюбил рабоче-крестьянский Суд, полюбил так, как никогда не любил того суда, в котором он проработал большую часть своей жизни.

Тот, царский суд, он никогда не называл: «наш суд», про Советский же Суд он уверенно говорит: «наш». [Ибо тов. Юревич — труженик, работник Суда, а наш Суд — рабочий, пролетарский.]

В 1924 году, в первую годовщину существования Губсуда, А. Б. Юревич был награжден Губисполкомом за свою долголетнюю работу часами, врученными ему в торжественном заседании в зале Губсуда.

Ответственный редактор **И. Дерзибашев.**